

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

ЦВЕТ КРОВИ
ДИКИЕ ДНИ

Абсолютное оружие

Алексей Калугин

Дикie дни

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калугин А. А.

Дикие дни / А. А. Калугин — «Эксмо», 2017 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-699-95845-0

Противостояние вольных альтеров и всемогущей «Вечности» продолжается. Проект «Вечность» начинает тотальную охоту на вольных альтеров. Для этой цели она использует специальных Охотников, которые контролируют стаи диких альтеров, выведенных в секретной лаборатории в рамках проекта «Джокер». Стоящий во главе «Вечности» спин-протектор готов пойти на все, что угодно, ради того, чтобы уничтожить Мастера, которого он считает своим личным врагом. Мастер же тем временем пытается проникнуть в секретную лабораторию, полагая, что проект «Джокер» может оказаться ключом к механизму, который способен если и не уничтожить «Вечность», то в значительной степени подорвать ее могущество. Ситуация становится похожей на узел, который уже невозможно развязать. Значит, кто-то должен его разрубить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95845-0

© Калугин А. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Калугин
Цвет крови. Дикие дни

Серия основана в 1996 году

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Цвет крови. Дикие дни / Алексей Калугин. – Москва: Эксмо, 2017. – 352 с. – (Абсолютное оружие).

978-5-699-95845-0

Пролог

Рому налейте в море.
Алина Витухновская

Где-то неподалеку протяжно, тоскливо завыл волк.

Хотя, может, это был и не волк вовсе, а собака. Собаке ведь тоже порой хочется завывать по-волчьи. А волку откуда здесь взяться? Деревня хотя и в глубинке, но все же не в глухомани какой.

Не успел замолкнуть первый вой, как ему ответил другой. Такой же пронзительно-холодный, будто изо льда. И, кто бы это ни был, волк или пес, на этот раз вой раздался совсем близко, словно под самыми окнами.

Почувствовав, как мурашки побежали по позвоночнику, Денис негромко чертыхнулся и с раздражением кинул на стол большой раскладной нож и деревяшку, которую он им ковырял. Деревяшка представляла собой кусок корневища причудливой формы. Денис как следует ободрал его, отшлифовал и закоптил на огне почти до черного цвета. А потом принялся острием ножа вырезать на деревяшке узоры. Никакого навыка в этом деле у него не было, поэтому и рисунки получались кривые да кособокие, совершенно не похожие на то, что изначально было задумано. Дениса это ничуть не смущало. Он не собирался отправлять деревяшку на выставку. Ее и показать-то было некому. Да и занимался он этой работой только потому, что больше тут делать было нечего.

Три недели минуло со дня бегства из захваченного ловчими поселка вольных альтеров. Три недели они, шестеро альтеров и четверо обычных людей, сидят в убежище, куда направил их Соломон. Три недели они ждут хоть каких-нибудь вестей.

А вокруг только снег, мороз, завывание ветра... Да, вот теперь еще и волки объявились. Или собаки, будь они неладны. Говорят, одичавшие собаки злее волков.

Со стороны дом был похож на древнюю, едва не по самую крышу вросшую в землю охотничью заимку. Но внутри домишко был оборудован не хуже, чем бункер, в котором, ежели что, можно и ядерную войну пересидеть. Да и попасть в него было не проще, чем в тот же бункер. Для этого нужно было иметь два ключа, знать секретный код и, самое главное, найти хитро спрятанный кодовый замок. Сломать дверь или окна, конечно, можно было. Особенно если под рукой были какие-никакие инструменты. Но сил и времени на это пришлось бы потратить немало. За один день точно ничего бы не вышло. Собственно, на то и делался расчет, что ежели кого заинтересует ветхий, заброшенный домишко, то, не сумев вломиться в дом с первого раза, незванный гость быстро потеряет к нему интерес. В конце концов, ну что интересного можно найти в такой развалюхе?

В доме имелся запас еды, которой должно было хватить еще недели на две, с умом подобранная аптечка, несколько комплектов смены белья, туалетные принадлежности. Одним словом, все, что могло понадобиться в первую очередь. Имелось даже несколько коробок с настольными играми и новое тридцатитомное издание «Всемирных бестселлеров». Запасов крови, что принесли с собой альтеры, должно было хватить еще надолго, благо среди них не

было воплощенных, которым кровь требовалась ежедневно. Но в доме не было ни телевизора, ни компьютера, ни даже простенького мобильного телефона. Хотя, даже если бы и были, толку от них все равно бы не было никакого. Дом находился вне зоны покрытия каких бы то ни было сетей.

Елена, истинный альтер, как только выдавалось свободное время, а случалось такое часто, сразу бралась за книгу. Она, наверное, уже по третьему разу все перечитывала. Вадим играл со своими детьми, тринадцатилетней Катей и девятилетним Артемом, в «Расхитителей гробниц». На столе пред ними лежали карточки разных форм, которые они то и дело перекладывали с места на место, ставя сверху то стопки картонных кружков, символизирующих деньги, то какие-то причудливые фигурки из разноцветного пластика. Вадим так азартно спорил с детьми из-за правил, что можно было подумать, будто он всерьез увлечен игрой. Денис как-то попробовал поиграть с ними, но правила оказались настолько сложными, что ему вскоре надоело в них разбираться. Читать он и вовсе не любил. Он мог еще спортивную газету полистать, но братья за книгу толщиной в три пальца – нет, это не для него. Пока дочитаешь до конца, забудешь, с чего все началось. Вот он и строгал ножом корягу, чтобы хоть чем-то себя занять.

Кроме них пятерых в комнате больше никого не было. Оля с Петром работали на кухне – слышно было, как гремят тарелки и стучат ножи. Лев Семенович, пожилой альтер без семьи, вообще не часто показывался на людях. Большую часть времени он укрывался в крошечной каморке, служившей продуктовым складом, предаваясь там то ли размышлениям о прожитых годах, то ли медитации. Катя, жена Вадима, со своей младшей сестрой Галиной уже который день прятались на чердаке. Ходили слухи, что они для всех готовят там какой-то сюрприз.

Денис не был альтером. В поселок вольных альтеров он попал три года назад, вместе со своей подругой Машей, которая как раз то и была альтером. Только Денис об этом ничего не знал. Он понятия не имел, что происходит, до тех пор пока их не привезли в поселок. Поначалу он даже решил, что их похитили, перепутав с детишками какого-нибудь богатенького мажора. По существующим правилам, вместе с альтерами в поселок могли перебраться только самые близкие их родственники. Но, поскольку у Маши вообще не было родни, о которой ей было хоть что-нибудь известно, Денису позволили остаться. Так что, можно сказать, он оказался в поселке по чистой случайности.

С Машей они вскоре разбежались. Но Денис все равно остался в поселке. Ему нравилось то, что там никто никого не грузил ни по какому поводу. Каждый мог заниматься, чем захочется. А можно было и вообще ничего не делать! Денис вовсе не был тунеядцем, но и особого азарта в работе не испытывал. Ему больше нравились видеоигры. Работал он через два дня на третий и частенько перебегал с одного места работы на другое – заниматься изо дня в день одним и тем же ему быстро надоело.

Одним словом, в поселке вольных альтеров все было здорово. До тех пор, пока его не отыскали ловчие. И всем, кто в нем жил, и альтерам, и обычным людям, не пришлось спасаться бегством, ища укрытие в заранее подготовленных тайных убежищах, разбросанных едва ли не по всей стране. И теперь они сидели, каждый в своем убежище, и ждали. А чего ждали – неизвестно.

Все надежды беглецов были связаны с тем, что где-нибудь на новом месте поселок непременно возродится. По мнению Дениса, уповать на это было глупо. Новый поселок если и появится, то случится это не завтра и не послезавтра. И даже не через пару лет. А что все это время прикажете делать? Сидеть вот тут, в займке, и ворон считать, когда они мимо пролетают? Волчьим воем наслаждаться?..

С улицы снова донесся протяжный, монотонный, будто нервы вытягивающий вой.

Вскочив на ноги, Денис метнулся к крошечному оконцу. На улице было так темно, что даже дуба, стоящего в трех шагах от дома, видно не было.

И вдруг – стук! – о стекло разбился снежок!

Стекла в окнах заимки стояли такие, что и пуля не прошибет. Но Денис все равно инстинктивно назад дернулся.

– Что такое? – оторвавшись от книги, удивленно посмотрела на него Елена.

Денис пальцем указал на окно.

– Кто-то снежок кинул!

Елена удивленно приподняла левую бровь.

– Показалось, – не отрываясь от игры, уверенно заявил Вадим.

– Да я точно видел!

– Может, просто ветер. – Елена подняла книгу, собираясь вновь углубиться в чтение.

– Или птица в окно ударилась, – предположил Вадим.

– Это был снежок! – стоял на своем Денис.

– Ну, значит, детишки соседские шалят, – сказал Вадим и заговорщицки подмигнул своим детям.

Денис снова прильнул к темному оконцу, надеясь увидеть снежную лепешку, оставленную на стекле снежком.

И тут снова – стук! – еще один снежок врезался в стекло.

– Видели? – отпрыгнув от окна, воскликнул Денис.

Да так громко, что даже Петр из кухни выглянул.

– Что у вас тут?

– В Дениса кто-то снежки кидает, – объяснил Вадим.

Петр улыбнулся и, не зная, что сказать, поскреб ногтями заросшую густой щетиной щеку. После того как стало ясно, что просидеть в заимке придется долго, Петр начал отпускать бороду.

Катя с Артемом захихикали, прикрывая ладошками рты.

Чтобы над ним еще и дети потешались – такого Денис стерпеть не мог.

Он кинулся в угол, где к стене была прибита планка с несколькими металлическими крючками, на которые они вешали верхнюю одежду. Сорвав с крючка куртку, Денис сунул руки в рукава, намотал на шею длинный красный шарф и натянул на голову кепку с оторочкой из искусственного меха.

– Ты куда? – окликнул его Вадим.

– Гляну, кто там снежки в окно кидает, – не оборачиваясь, ответил Денис.

Открыв пристенный шкаф, он достал из него охотничью двухстволку-вертикалку – единственное оружие, имевшееся в доме. Переломив ружье, он взял два патрона с картечью и воткнул их в стволы.

– Ружье-то тебе зачем? – уже с некоторой тревогой спросил Вадим.

– На всякий случай. – Денис закрыл ружье.

– Не валяй дурака... – начал было Вадим.

– А если там волки? – перебил Денис.

Вадим озадаченно прикусил губу – он тоже слышал вой за окном.

– Тогда нужно двоим выйти, – сказала Елена. – Хотя, если по большому счету, так и одному выходить не стоит. Волки в дом не заберутся.

– И волки не умеют лепить снежки, – ответил Денис. – Сиди! – махнул он рукой поднявшемуся было на ноги Вадиму. – Сам управлюсь.

– Ты стрелять-то хоть умеешь? – спросил Вадим, которому и самому вовсе не хотелось выходить из теплого дома на мороз.

– Дело нехитрое, – ушел от прямого ответа Денис.

И взялся за ручку двери.

– Фонарь не забудь, – напонила Елена.

И то верно, подумал Денис, на улице тьма-тьмушая. А в окнах стекла с односторонней светопроводимостью, снаружи они кажутся темными. Он перехватил ружье правой рукой, а левой взял с полки большой фонарь с ручкой. Щелкнув кнопкой и убедившись, что фонарь горит, Денис толкнул дверь и вышел в сени.

В сенях было темно. Выдыхаемый воздух тут же превращался в облачко пара. Посветив по сторонам, просто так, чтобы привыкнуть к темноте, Денис сделал шаг и оказался возле уличной двери. Дверь была оборудована сложной системой из пяти замков. Но, находясь в доме, беглецы пользовались только широким, тяжелым засовом, справедливо полагая, что этого вполне достаточно для того, чтобы чужие, объявившись они вдруг рядом, не проникли в дом.

Денис положил ружье на плечо, отодвинул засов и сразу нараспашку открыл дверь.

В лицо пахнуло морозной свежестью.

Денис посветил фонарем на небольшое, покосившееся крыльцо в три ступеньки. Крыльцо было занесено снегом так, что вместо ступеней виднелись только три невысокие горбинки, похожие на застывшие волны, сползающие с песчаной дюны. Вот только в отличие от песка, снег мерцал в луче скользящего по нему света, подобно алмазной пыли. Или – россыпи звезд, что сияли над головой.

Ночь была на удивление тихая и потрясающе звездная. Лицо Дениса не ощущало касания даже легкого ветерка. Лишь только мороз пощипывал кожу. Казалось, воздух застыл. А вместе с ним замерло, а может, и навсегда остановилось само время. Луны на небе не было, но и без нее небесный свод казался похожим на купол планетария.

Денис посветил фонарем по сторонам от крыльца. На ровном, белом снегу не было никаких следов. Что и говорить, главное преимущество зимы перед другими временами года заключается в том, что зимой нельзя никуда прокрасться, не оставив следов.

Да, но кто же тогда кидал снег в стекло? И звериный вой слышался как будто под самым окном?

– Эй, – негромко позвал неизвестно кого Денис.

Голос его будто рассыпался в морозной тишине. Превратился в сверкающую снежную пыль и лег поверх снежного покрова.

– Эй, кто здесь? – крикнул Денис. – Что тебе надо? – Он положил палец на курок. – У меня заряженное ружье!

Снова никакого ответа.

Может быть, и правда, никого здесь не было? В окно ударились птица? А вой казался близким потому, что звуки скользили по морозному воздуху, словно по льду?

Осторожно, боясь оступиться и упасть, Денис спустился по ступеням, отошел на три шага от крыльца и снова глянул по сторонам.

Он не успел ничего понять, когда огромная, тяжелая, темная масса налетела на него слева, сбила с ног, повалила в снег и всей тяжестью навалилась сверху. Ружье выскользнуло из руки и отлетело в сторону. Фонарь провалился в снег. Денис хотел закричать, позвать на помощь, но у него перехватило дыхание. А в следующую секунду он почувствовал страшную боль от того, что напавшая на него тварь принялась рвать зубами шею.

– Федор! Фу!.. Кому говорят, Федор! Оставь его!

По глазам Дениса резанул узкий, кажущийся ослепительно-ярким луч света. Чудовище, кусавшее его за шею, вскинуло голову, и Денис с ужасом увидел человеческое лицо. Вернее, его можно было бы принять за человеческое, если бы с него вдруг исчезло выражение звериной ярости. И если бы из-за губ, перемазанных кровью, не высывались длинные, как у хищника, оскаленные клыки.

– Ко мне, Федор! – скомандовал человек в черном бушлате и в черной лыжной шапке-шлеме.

В левой руке он держал крошечный фонарик, правой придерживал короткоствольный автомат.

Чудовище утробно зарычало. И вдруг хрипло, но вполне отчетливо произнесло:

– Жрать хочу, Охотник...

И вновь вцепилось в шею несчастного Дениса, у которого в голове все окончательно перевернулось, и теперь он не понимал ни где он находится, ни даже кто он такой. Страх вытеснил все мысли и чувства за периферию безумия.

– Ах, ты ж, тварь!..

Человек с автоматом со всего размаха ударил чудовище ногой по ребрам. Так, что кости хрустнули. Взвизгнув, тварь откатилась метра на два в сторону. Но тотчас же ловко вскочила на ноги, развела колени в стороны, раскинула руки с растопыренными пальцами и, выставив голову вперед, злобно оскалилась.

– Охотник...

На получеловеке-полузвере была одежда: широкие штаны из плотной, грубой ткани, доходящие до щиколоток, и некое подобие свитера без ворота темно-коричневого цвета.

– Да, я Охотник, – человек в бушлате, которого тварь называла Охотником, светил ей в лицо фонарем. – А ты – тварь тупая. Поэтому будешь мне подчиняться. И жрать будешь, только когда я разрешу. Усек?

Существо злобно рыкнуло и пригнулось, будто готовясь прыгнуть на Охотника.

– Не дури, Федор! – погрозил ему пальцем Охотник. – Ты знаешь, что произойдет!

Существо, которое Охотник называл Федором, недовольно заворчал. Однако мышцы его расслабились, колени распрямились, руки опустились, а голова будто втянулась в плечи. Оно более не помышляло о нападении.

– Зови остальных, – скомандовал охотник.

Федор запрокинул голову и жутко, протяжно завыл.

Не успел он умолкнуть, как из леса раздался ответный вой.

Охотник подошел к лежащему на снегу Денису и фонариком посветил ему в лицо. Денис болезненно зажмурил глаза. Обеими руками он пытался зажать рану на шее. Ладони его были в крови. Кровью был залит снег.

– Ты – альтер? – спросил Охотник.

Денис ничего не ответил,

– Эй, – Охотник не сильно пнул его под зад ногой. – Я тебя спрашиваю.

– Н-нет, – трясущимися губами ответил Денис. – Я – человек...

– Не врешь? – подозрительно прищурился Охотник.

– Нет, – ответил Денис. И вдруг взмолился: – Помогите мне... Пожалуйста... Я могу умереть...

– Не исключено, – согласился Охотник.

Присев на корточки, он достал из внутреннего кармана небольшую серую коробочку. Он хотел было приложить ее к запястью Дениса, но вся рука бедолаги была вымазана кровью. Поколебавшись секунду-другую, Охотник приложил прибор к его щеке. Выскользнувшее из коробочки тонкое стальное жало прокололо кожу, втянуло в себя каплю крови и снова исчезло внутри прибора. На лицевой панели загорелись цифры таймера – базовый тест занимал примерно три с половиной минуты.

Держа прибор в руке, Охотник посмотрел на Федора, отрешенно стоящего в стороне с безвольно опущенными руками. Несмотря на то, что на нем были только штаны и легкий свитер, ему не было холодно. Дикие альтеры невосприимчивы к холоду, нечувствительны к боли, чертовски выносливы и дьявольски злы. Их даже пулей остановить непросто – нужно попасть в жизненно важный орган. Да такой пулей, чтобы разворотила там все к дребеням. Этот

гад способен вырастить себе новую печень быстрее, чем ящерица оторванный хвост отрастит. По-ученому называется регенерация.

Но есть одна штука, которую эти твари до икоты боятся. У этой штуки тоже имелось какое-то сложное ученое название, но Охотник называл ее просто «пищалкой». Хотя на самом деле пищалка вовсе не пищала, а замыкала какие-то контакты в головах у диких, в результате чего у них начинались мышечные спазмы. Причем у всех сразу, что находились в зоне действия прибора. Так сказать, метод коллективной ответственности. Со стороны это похоже на эпилептический припадок. Дикие корчатся на земле, плюются и воют от боли. Крайне неприятное зрелище. Но это единственный способ держать этих тварей в узде.

По-хорошему с дикими нельзя. Хорошего отношения они не понимают. Эти твари одержимы жадой крови. Стоит им лишь почувствовать слабость, как они набросятся и перегрызут тебе глотку. По первому времени, когда Охотник только начинал тренировать свою стаю диких, он вообще не выпускал пищалку из руки. А если обе руки были заняты, то зажимал ее в зубах. И чуть что – жал на кнопку активации. Даже если ему только казалось, что дикие что-то там замышляют, все равно давал импульс. Для профилактики. Зато теперь ему довольно лишь напомнить этим тварям о пищалке, чтобы взять ситуацию под контроль. И все равно он держит ее под рукой. Так, чтобы только сунуть руку в карман и нажать кнопку. Диким нельзя доверять. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

– Помогите мне, – плачущим голосом проскулил Денис.

– Сколько человек в доме? – спросил Охотник.

– Девять... Четыре женщины, двое детей...

– Сколько альтеров?

– Шесть... Пожалуйста...

– Секундочку, – ободряюще улыбнулся Охотник.

На приборе у него в руке загорелся зеленый индикатор.

– Все верно, ты – человек. – Охотник поднялся на ноги. – Он твой, Федор.

Дикий одним прыжком накрыл Дениса сверху, легко, схватив за запястья, развел его руки в стороны и, припав к ране на шее, довольно заурчал.

Из леса тем временем безмолвно вышли еще трое диких. Одеты они были так же, как Федор. И выглядели похоже – взъерошенные, напряженные, злые.

– Так, твари, – сказал, обращаясь к ним, Охотник. – В доме девять человек, троих из которых я позволю вам съесть. Кроме того, там наверняка полно гемаконов. Но жрать будете только по моей команде и только тех, на кого я укажу. Все ясно?

Дикие довольно заворчали.

– Ясно, Охотник, – произнес один из них.

Стволom автомата Охотник указал на дверь.

– Вперед.

Дикие сорвались с места и вмиг скрылись за дверью.

Охотник посмотрел на пьющего кровь Федора.

– А тебе, тварь, особое приглашение требуется?

Дикий ничего не ответил.

Охотник с отяжкой ударил его ногой в живот.

Федор откатился в сторону. Но в ту же секунду вскочил на ноги, зарычал, разинул окровавленную пасть и кинулся на Охотника.

Но Охотник был готов к подобному повороту. Федор был самым сильным в стае, но одновременно и самым умным, а потому плохо поддающимся дрессировке. Рука Охотника скользнула в карман бушлата, быстро нашла там пищалку и нажала на кнопку.

Дикий в прыжке чуть не узлом завязался. Он упал на снег и начал корчиться в болезненных судорогах. Казалось, все суставы его выворачиваются, а позвоночник вот-вот перело-

мится. Но при этом он не кричал, как остальные. Знал, зараза, что его крики доставят Охотнику удовольствие. Потому и молчал, в кровь кусая губы.

Увидев, что изо рта дикого потекла кровавая пена, Охотник отпустил кнопку.

Тело Федора бессильно распласталось на примятом снегу.

– Ну почему ты такой тупой, Федор? – с сожалением покачал головой Охотник. – Знаешь ведь, точно знаешь, чем все закончится. И все равно прешь на рожон. Ну какой в этом смысл?

Федор медленно поднялся на ноги, харкнул кровью на снег и утерся рукавом.

– А кто сказал, что должен быть какой-то смысл?

– Все умничаешь? – насмешливо скривился Охотник. – Нужно будет сказать профессору, чтобы он тебе язык подрезал. А ну, живо в дом!

Низко опустив голову, чтобы не встречаться с Охотником взглядами, дикий потопал в дом.

Когда они вошли в комнату, все обитатели дома уже лежали на полу. Одни широко, как на распятие, раскинули руки в стороны, другие сцепили ладони на затылке. Одна из женщин тихо подвывала, уткнувшись лбом в половицы. Двое детей, как ни странно, лежали молча и неподвижно, будто уснули. Меж лежащими на полу людьми прохаживались дикие и время от времени злобно порывивали на них. Так, для острастки. Эти трое, в отличие от Федора, свое место знают и без команды жрать не станут.

У некоторых пленников на запястьях имелись свежие следы укусов. Это был почти сто-процентный тест на альтера. Дикие чуяли своих. Не по запаху, как говорил профессор, а каким-то своим, седьмым, а то и восьмым чувством, которого нет у людей. Дикие дурели от крови альтеров и спешили хотя бы лизнуть ее, зная, что, когда придет Охотник, они ее уже не получат. Альтеры были нужны Охотнику живыми и здоровыми.

– Итак, кто из вас люди? – спросил Охотник.

Никто не двинулся с места, не поднял рук, не подал голоса.

– Понятно, – усмехнулся Охотник. – Решили играть в несознанку. И какой в этом смысл? Хотя мой дикий друг и утверждает, что смысла может и вовсе не быть, я все же полагаю, что нам, людям, следует придерживаться здравого смысла. Я ведь все равно проведу тестирование и выясню, кто из вас кто. Так зачем осложнять жизнь друг другу.

На колени поднялся пожилой мужчина с широким, открытым лицом и большими, будто удивленными глазами. Его полуседые волосы были так аккуратно и гладко зачесаны назад, что казались похожими на парик. Только какой, к лешему, смысл носить седой парик? Если ты, конечно, не снимаешься в кино.

Один из диких метнулся к мужчине, собираясь заставить его снова лечь на пол, но Охотник жестом остановил его.

– Вы – обыкновенный человек? – спросил Охотник.

Хотя на руке у мужчины был укус, значит, скорее всего, он был альтером.

– Прежде чем ответить на ваш вопрос, я хотел бы узнать, с кем имею дело? – спокойно произнес седой. – Меня зовут Лев Семенович Илин. Эти люди, – взглядом указал он на остальных, – мои друзья. Мы отдыхали в этом доме. И ваше неожиданное появление, прямо скажу, не доставило нам удовольствия. Кто вы и что вам надо?

Охотник расстегнул бушлат. Затем четырьмя пальцами подцепил у горла край шапки-шлема и стянул ее на лоб. В комнате было слишком жарко.

– Я выполняю свой долг, – сказал он.

– Мне эти слова ни о чем не говорят, – ответил Лев Семенович.

– Очень жаль, – на лице Охотника появилось выражение грусти. – Идите ко мне.

– Зачем?

– Послушайте меня внимательно. Это относится ко всем, – Охотник пальцем обвел всех лежащих на полу. – Либо вы сами станете делать то, что я вам говорю, либо вас заставят это сделать. Как видите, выбор невелик. Итак, Лев Семенович?..

Пожилой мужчина поднялся на ноги и подошел к Охотнику.

– Я чрезвычайно рад, что судьба свела меня со здравомыслящими людьми, – улыбнулся тот. – Дайте руку.

Лев Семенович протянул Охотнику руку.

Тот быстро коснулся ее коробочкой тестера.

Лев Семенович вздрогнул, почувствовав укол.

– Все в порядке, – успокоил его Охотник. – Я взял у вас всего каплю крови. Ну, так что, вы альтер или как?

– Альтер.

– Очень хорошо. Вы выиграли призовой билет.

– Что это значит?

– Это значит, что альтеры мне нужны живыми.

– А остальные?

Охотник пропустил вопрос мимо ушей.

– Повернитесь, пожалуйста, ко мне спиной и заведите руки за спину.

– Я спросил, что станет с остальными?

– А я вас предупредил, что будет, если вы не станете слушаться.

Охотник сделал знак стоявшему рядом с ним Федору.

Дикий схватил мужчину за плечи, поставил его на колени и завел руки за спину.

Охотник стянул запястья альтера пластиковым ремешком.

Федор подхватил человека под мышки и кинул в угол.

Получив от Охотника еще один пластиковый ремешок, он стянул им щиколотки Льва Семеновича.

– Что это за твари? – приподняв голову, зло глянул на Федора Илин.

– Вы прежде с ними не встречались?

– Нет.

– Тогда вы будете приятно удивлены. Лев Семенович, перед вами ваши собратья-альтеры.

– Чушь! – фыркнул Илин.

– Увы, нет. Такими делает альтеров жажда крови.

– Бред собачий! Я видел альтеров, страдающих от гематокриза. Они и пальцем пошевеливать не могли.

На тестере загорелся красный индикатор.

– Я рад, что вы не солгали. Вы – альтер. Я знаю, что воплощенный альтер способен разорвать пластиковые наручники. Но я искренне не советую вам это делать. Федор сегодня в очень дурном расположении духа.

– Я не воплощенный, – мрачно буркнул Лев Семенович.

– Ну, я на всякий случай. – Охотник повернулся к остальным: – Следующий!

– Вы так и не сказали, что будет с обычными людьми? – спросил Илин.

– Скоро увидите, – ответил Охотник. – Могу только сказать, что мы не любим людей, дружащих с альтерами.

– Мы – это кто?

– Не задавайте глупых вопросов.

Примерно через полчаса все обитатели дома были протестированы. Альтеры, связанные по рукам и ногам, оказались в том же углу, что и Лев Семенович. На другом конце комнаты остались трое: Вадим, его сын Артем и сестра его жены Галина.

– Что ж, дело сделано, – Охотник довольно потер руки. – Шесть альтеров – неплохой улов.

Он прошелся по комнате, двумя пальцами взял со стола карточку для игры в «Расхитителей гробниц», покрутил ее и снова кинул на стол.

– Можете жрать, – сказал он диким. – Только не в этой комнате.

Дикие разом набросились на троих людей, схватили их, смяли и поволокли на кухню.

– Нет!.. Нет!.. – испуганно закричала женщина.

Вторя ей, в ужасе завизжал ребенок.

– Рты им заткните! – крикнул вслед Охотник.

– Отпустите их! – крикнула Елена. – Черт возьми, вы же человек!

– А вам я рты заклею, если кто еще произнесет хоть слово! – зло огрызнулся Охотник. – Я не получаю от этого никакого удовольствия! Но я должен кормить своих тварей!

Он снова прошелся по комнате и остановился перед Федором. С перемазанным засохшей кровью лицом, он выглядел не просто дико, а по-настоящему жутко. Будто выходец с того света.

– Ну, а ты чего? – спросил Охотник.

Дикий широко раздул ноздри и громко фыркнул.

– Что это значит? – удивился Охотник. – Не хочешь есть?

– Нет, – коротко ответил, будто твякнул, Федор.

– Ладно, тогда тащи коробку.

Дикий выбежал на улицу.

Охотник сел в кресло-качалку так, чтобы видеть пленных альтеров, и положил на колени автомат.

– Вы все из подмосковного поселка? – спросил он.

Никто ему не ответил.

– Да пошли вы, – Охотник откинул голову назад и, толкнувшись ногами, качнулся в кресле. – Завтра все вы окажетесь в пансионате, где вас станут доить, как коров. Вас под завязку напичкают всякой химией, чтобы вы даже и не думали бунтовать. Говорят, от этого становятся совсем тупыми. Ну, так вам там и не нужны будут мозги. Вы – мусор, который я убираю. И, что самое смешное...

В комнату вернулся Федор с небольшим серым чемоданчиком в руке.

– Давай сюда!

Охотник пододвинул к себе столик, смахнул на пол фишки и карточки для игры и водрузил на него чемодан.

Щелкнули серебристые запоры.

Внутри, уложенные в специальные амортизирующие ячейки, находились детали спутникового телефона.

Быстро соединив все необходимые компоненты, Охотник нажал кнопку вызова.

– Говорите, – ответил ему до странности невыразительный голос. Можно было подумать, что обладатель его не имел ни пола, ни возраста.

– Охотник-Девять. Задание выполнено. Высылайте вертолет. У меня шесть альтеров.

– Хорошая работа, Охотник-Девять, – ответил невыразительный голос.

Связь прервалась.

Охотник закрыл чемодан. Постучал пальцами по крышке. Посмотрел на Федора.

Дикий оскалил клыки.

Глава 1

Мастер

Господи ты боже мой! Насколько же велика тупость людская!..

Нет, не так.

Насколько же велики глупость и самомнение одного человека!

Конкретно – спин-протектора.

Какого черта он раз за разом посылает людей на верную смерть?

Любой другой на его месте давно бы уже понял, что пансионат номер сорок пять невозможно взять приступом. Так же, как невозможно заслать в него группу диверсантов. Так же, как невозможно взять нас в осаду и уморить голодом.

Этот идиот пытался даже отключать нам воду, электричество и канализацию!

Чем все закончилось?

Сначала на главную городскую резиденцию спин-протектора обрушился град размером с теннисные мячики, вдрызг измочаливший крышу. Не успели крышу отремонтировать, как на дворец надежды и опоры всего мира пролился дождь сдохлой рыбой.

Ну, знаете, случаются порой такие странные события. Но если два сразу, в одном месте – это уже не случайность, а закономерность. Также не следует забывать, что град и дождь случились зимой, что придало всей ситуации особую пикантность.

И самое главное, если бы сначала прошел дождь с рыбой, а потом – град, так ничего бы ужасного не случилось. Но все произошло наоборот: сначала – град, а за ним – рыба. И через учиненные градом повреждения рыба попала в вентиляционную систему резиденции спин-протектора. Уже на второй день, когда рыба начала тухнуть, вонь по дворцу пошла такая, что хозяин велел посадить главного администратора здания в карцер с крысами, а сам поспешил сбежать в загородную резиденцию, куда он обычно выезжает только летом.

И надо же было такому случиться, что во время поездки началась гроза. Настоящая гроза, с громом и молниями. Зимой! Молния ударила разом во все три машины спин-протекторского кортежа. Охранники испеклись в своих машинах, как в микроволновках. Сам спин-протектор не пострадал, хотя руки его шофера прикипели к рулю, и он орал благим матом, когда его, вместе с рулем, вынимали из машины.

Да, еще на крышу бронированного лимузина спин-протектора упало сиденье для унитаза, выпавшее из пролетавшего над местом происшествия самолета. Такое тоже порой случается. Но вся эта череда даже по отдельности крайне маловероятных событий могла и идиота убедить в том, что все это неспроста.

Следует отдать спин-протектору должное, он понял намек. Попытки вооруженного прорыва на территорию пансионата прекратились. Если жизнь других людей для спин-протектора ничего не стоила, то свою он оценивал по наивысшей категории. Постоянно принимая М-сыворотку, полученную из крови альтергов, он, должно быть, рассчитывал жить вечно. И, разумеется, он не хотел, чтобы из-за глупой случайности все его далеко идущие планы пошли насмарку. Ударившее в темечко сиденье для унитаза – это ведь даже не героическая смерть, а предельно дурацкая. О такой легенды не сложат. И песни петь не станут.

Попытки иным образом испортить жизнь обитателям пансионата номер сорок пять так же практически сошли на нет. У нас более не ломались ни канализация, ни водопровод, ни

сеть электроснабжения. Даже телефонная линия и Интернет работали бесперебойно. Я, как и прежде, ежедневно составлял список заказов, которые доставлялись исправно и в срок. Правда, пару раз еда была отравлена. И один раз яд оказался добавлен в мой любимый грушевый сидр. Но это даже глупостью не назовешь, скорее уж, жестом отчаяния. Я все ждал, когда же спин-протектор прикажет обработать ядом страницы одной из книг, которые я заказывал. Но до этого так и не дошло. Видно, классику спин-протектор не жалуется.

Имея все же неизбежное желание знать, что происходит на моей территории, спин-протектор решил использовать дронов. Но почему-то так все время случалось, что любые дроны, залетевшие на территорию пансионата, от больших до суперминиатюрных, тут же теряли управление и разбивались. А некоторые даже взрывались на лету.

После неудач с дронами спин-протектор приказал разместить в окружающей пансионат лесополосе две роты спецназа, которые должны были находиться там днем и ночью. То есть они притащили туда палатки, полевые кухни и мобильные сортиры. Я лично в этом никакого смысла не видел. Но глупо говорить о смысле, когда речь идет о спин-протекторе. Тем не менее мне такое соседство не нравилось. Лесополоса зарастала мусором. Да и охранники нервничали.

Ну, что тут поделаешь?

Спецназовцы заболели гриппом и чесоткой. Все разом. Когда место срочно эвакуированных бойцов заняли другие, с виду вполне здоровые, среди них началась повальная эпидемия дизентерии, косившая всех поголовно и сопровождавшаяся проявлениями характерных признаков стригущего лишая.

После второй эвакуации новой смены не последовало. Таким образом, проблема нежелательного соседства также была успешно решена.

Меня все эти события нисколько не беспокоили. Скорее даже забавляли. И придавали уверенности. Поскольку давали возможность воочию оценить, на что способен спин-протектор. Да, возможности его были практически неограниченными, но, во-первых, он не умел ими пользоваться. У него имелось с десяток наработанных приемов, которые в свое время, видимо, показали свою действенность. С тех пор он только на них и полагался. Боязнь всего нового – такова была отличительная особенность стиля жизни и правления спин-протектора. Такое случается почти с каждым, кто слишком долго остается у власти. Он подсознательно боится будущего, потому что именно там скрыт его конец. Во-вторых, я теперь был точно уверен в том, что, даже используя спин-протектор все свои возможности надлежащим и самым лучшим образом, он не мог представлять для меня никакой угрозы. Ни один из его шпионов и киллеров не смог незаметно проникнуть на территорию пансионата. В то время как мальчишке-альтеру это легко удалось.

В отличие от меня Игорь Шарков места себе не находил. Он не паниковал, но, явственно ощущая угрозу, считал необходимым искать способы предотвратить ее. Мои заверения о том, что пансионат номер сорок пять в настоящий момент является едва ли не самым безопасным местом на Земле, мало что для него значили. Он не знал даже сотой доли моих возможностей, зато отлично представлял, на что способна военно-полицейская машина, за рулем которой сидел спин-протектор.

– Хорошо, что конкретно ты предлагаешь? – спросил я.

В ответ на что Игорь лишь молча развел руками – ему было нечего предложить.

С одной стороны, он чувствовал опасность, с другой – не знал, как ей противостоять. Именно это заставляло его нервничать. И это было нехорошо. Мне требовался человек, с которым я мог бы спокойно и взвешенно обсуждать самые разные вопросы, от мировой политики до недавно прочитанных книг, а Игорь явно находился не в лучшей форме. Он постоянно думал о том, что лично меня интересовало в наименьшей степени, – о кознях спин-протектора. Мало того что это отвлекало его от более интересных тем, так еще и делало взвинченным и

нервным, как новобранца, впервые получившего в руки ружье и сразу же посланного с ним в окопы, находящиеся под вражеским огнем.

– Почему ты просто не убьешь его, если можешь это сделать? – спросил он однажды. – Ты ведь мог сделать так, чтобы это чертово сиденье для унитаза упало не на крышу лимузина, а ему на голову?

Разумеется, я мог это сделать. Более того, это не составило бы для меня никакого труда. То, что люди обычно называют случайностью, на самом деле является точно таким же результатом строго определенной последовательности событий, как и в любой другой ситуации. О случайности говорят, когда не могут отследить всю цепочку приведших к ней событий. Я же могу установить взаимосвязь любых событий и предсказать их результат. Более того, я могу воздействовать на самое слабое звено, которое кажется наименее значимым во всей цепочке, с тем чтобы в итоге получить нужный мне результат.

Да, и вот еще что! Когда я говорю о результате, я имею в виду только то, что интересует меня в текущей последовательности событий в данный момент. На самом же деле никакой это не результат, а всего лишь очередное звено в бесконечной череде событий, тянущейся из прошлого и исчезающей в будущем, каждое из которых при желании можно просчитать, определить и вычленить. Вот только если постоянно все просчитывать и обо всем знать наперед, то жить становится невыносимо скучно.

– Зачем? – я недоуменно пожал плечами. – Смерть спин-протектора не входит в мои планы.

– И какие у тебя планы?

Ну, об этом я мог бы говорить долго. И чем дольше, тем неопределеннее. Поскольку всех своих планов я и сам еще не знал. Да и не мог знать, поскольку планы на более или менее отдаленное будущее формируются в процессе реализации близлежащих планов. Но я понимал, что Игоря интересовало как раз то, что я собирался делать в ближайшее время. Если быть еще точнее, он хотел знать, что я собираюсь делать прямо сейчас.

– Во-первых, я убедился, что мне ни о чем не удастся договориться со спин-протектором.

– Он на тебя в обиде, – напомнил Шарков. – Ты кинул его с поселком вольных альтеров.

– Разве? – я удивленно вскинул брови. – Я выполнил свое обещание.

– Ты сдал ему пустой поселок.

– Я обещал указать координаты поселка – и я это сделал.

– Ты утверждал, что в поселке не менее пятисот альтеров.

– Так оно и было, когда я там находился.

– Это все отговорки.

– Нет. Это – неумение точно сформулировать свое желание. На этом джинны частенько ловили своих спасителей, три желания которых они обязаны были исполнить. Но исполняли они их настолько дословно, что в результате бедолаги и сами были не рады тому, что ввязались в эту затею.

– Самые умные из них использовали последнее желание на то, чтобы затолкать джинна обратно в бутылку.

– Да, но я-то не джинн, – улыбнулся я. – Поэтому со мной такой фокус не пройдет. На самом деле проблема не в том, что я, как ты выражаешься, кинул спин-протектора. Я бы мог предложить ему многое другое. Я мог бы решить многие его проблемы. Мог бы сделать страну самой процветающей в мире. А потом можно было бы и глобальными проблемами заняться. С моей помощью он мог бы стать самым влиятельным человеком в мире. Однако проблема в том, что спин-протектор феноменально недалек, мелочен и подозрителен. Понятия не имея о том, что такое долгосрочная стратегия, он действует импульсивно. С ним невозможно договориться потому, что обман он считает наивысшей доблестью. А нарушение любых дого-

воренностей для него является главным правилом игры. Он отправил ко мне наемных убийц еще до того, как ему доложили, чем закончился штурм поселка. Почему он так поступил?

– Должно быть, решил, что ты ему больше не нужен.

– Именно. И о чем это говорит? – Я выдержал паузу, но Игорь ничего не сказал. Он знал ответ, но не хотел говорить. Пришлось мне сказать самому: – Он с легкостью готов отказаться от всех тех даров, что я мог бы ему предложить, только ради того, чтобы сохранить существующее положение дел. Он боится меня потому, что я – будущее.

Я – будущее!

Красиво сказал!

Нет, в самом деле.

Самому понравилось.

– Возвращаясь к твоему вопросу. Во-первых, я хочу, чтобы спин-протектор оставил нас в покое. Пусть зарубит себе на носу, что пансионат номер сорок пять – это моя суверенная территория. Мой родовой замок. И каждый, кто сунется сюда без спросу, получит достойный отпор.

– Он не успокоится, – покачал головой Игорь. – Он постоянно будет искать способ добраться до тебя.

– Ну, значит, в следующий раз сиденье от унитаза, действительно, упадет ему на голову, – улыбнулся я.

– Хорошо, – кивнул Игорь. – Допустим, спин-протектор оставил нас в покое. Что дальше?

– Мы должны разобраться с проектом «Джокер». Я ничего не нашел о нем в архивах «Вечности». Представляешь? Ни единого слова. Также нет там никакой конкретной информации о работе группы профессора Левченко. Сказано только, что научная группа профессора занимается изучением поведенческих реакций альтеров. Что подтверждается кучей пустых и бессмысленных документов, в которых даже вскользь не упоминаются дикие альтеры. Отчеты, что я обнаружил в архиве подразделения «М», тоже пропали. Видимо, кто-то заметил ошибку и поспешил подчистить хвосты. Много лет держать в тайне серьезный научный проект, в котором задействовано немало людей, да при этом еще водить за нос международный отдел «Вечности», под силу только одному человеку.

– Спин-протектору, – сделал правильный вывод Игорь.

– Верно, – кивнул я. – И я хочу понять, какова цель создания диких альтеров.

– А ты не допускаешь возможности, что никакой цели нет? – чуть понизив голос, спросил Игорь. – Нет и никогда не было? Что во всем происходящем вообще нет никакого смысла? Просто кому-то когда-то пришла в голову дурацкая идея, которую он решил попытаться воплотить в жизнь. Скажешь, такого не могло быть?

– Могло, – не стал спорить я. – Очень даже могло. И я бы запросто с тобой согласился. Если бы не одно обстоятельство...

Я взял пульт, чтобы включить экран компьютера. И в этот момент в дверь тихо постучали.

Это был Виктор Карцев. И, разумеется, его визит не стал для меня неожиданностью. Я был даже рад, что он присоединится к нашему разговору.

– Входите, доктор Карцев! – громко произнес я.

За время, минувшее с того дня, когда мы с Игорем вытащили Виктора из его комнаты, доктор Карцев заметно изменился к лучшему. Самое главное, он бросил курить. В чем, должен признаться, я ему немного помог. Соответственно, он перестал кашлять, кожа на его лице приобрела здоровый вид. Щеки зарозовели, глазки заблестели. Его покинули острые параноидальные фантазии, он стал мыслить более критично, и суждения его сделались куда более здравыми. Виктор по-прежнему был уверен, что я являюсь предвестником скорого конца света, но с этим он уже смирился. Однако он все еще не выходил из комнаты без самодельной тубейки из фольги, которая, как он полагал, защищала его от моего ментального воздействия.

И, что было совсем плохо, Виктор так и не научился опрятно одеваться. Его наряд выглядел так, будто он натягивал на себя первое, что попадалось под руку, нисколько не заботясь о том, как сочетаются между собой те или иные детали гардероба.

На этот раз, помимо неизменной шапочки из фольги, на нем были широкие пляжные шорты, украшенные ярким узором из ананасов и бананов, и темно-зеленая майка с несколькими декоративными дырками и черной, едва различимой надписью «You In The Army Now!». Вокруг худой шеи было обернуто розовое кашне. На ногах – тяжелые армейские башмаки. Подбородок Виктора выглядел так, будто он брился перед кривым зеркалом – с десятком заклеенных обрывками бумажек порезов и клочки щетины, до которой лезвие так и не добралось. В целом, вполне неплохой вид для доктора Карцева.

– Чем занимаетесь? – живенько так поинтересовался Виктор.

– Да вот, показываю Игорю фотографии, – сказал я. – Садись, думаю, тебе тоже будет интересно взглянуть.

Виктор уселся в свободное кресло.

Я включил экран и задействовал режим виртуального расширения, вдвое увеличивающий размер экрана.

Появившаяся на повисшем в воздухе виртуальном экране картинка была не очень высокого качества. Но и того, что можно было рассмотреть, было достаточно для того, чтобы в полной мере ощутить чувство отвращения.

На фотографии была запечатлена обычная жилая комната стандартной малогабаритной квартиры. Снимок был сделан со стороны входной двери и охватывал почти всю комнату, от стены до окна. Простенькая пластиковая стойка с телевизором и видеоплеером, раскладывающийся диван с желтой обивкой, сервант с посудой на застекленных полках, платяной шкаф с чуть приоткрытой дверцей, небольшой, квадратный обеденный стол. Хозяевам пришлось изрядно потрудиться, чтобы втолкнуть все это и еще кучу иной мелочи в совсем небольшую комнату.

Первое тело лежало на столе. Это был взрослый мужчина. Руки и ноги его свешивались по краям стола. У него было разорвано горло, объедено лицо и вырваны клочки плоти на запястьях. Еще один человек, судя по фактуре тела, совсем еще молодой, лежал на полу. У него были точно такие же раны, как и у первого, – на горле и запястьях. На диване лежала девочка лет девяти. Убитая так же, как остальные. Мебель, стены, пол и даже потолок были забрызганы кровью. Местами на палевых обоях имелись смазанные отпечатки ладоней, как будто о них вытирали окровавленные руки.

– Что это? – тихо произнес потрясенный Игорь.

В голосе его были слышны одновременно недоумение, отвращение и ужас от того, что кто-то мог сотворить подобное.

Нажав кнопку на пульте, я включил следующий кадр.

Та же самая комната с тремя изуродованными трупами. Только теперь в ней еще четверо мужчин в белых пластиковых комбинезонах с капюшонами, в очках и респираторах. В руках у них желтые пластиковые ведра и бутылки с разноцветной бытовой химией.

Третий кадр.

Люди в пластиковых комбинезонах укладывают тела в черные пластиковые мешки.

– Это какое-то снафф-видео, – предположил Виктор.

Игорь молчит.

Я тоже ничего не говорю.

Следующий снимок.

Люди наводят порядок в доме. Смывают кровь. Сдирают перепачканные обои.

Я быстро проматываю с десятка снимков, на которых запечатлены различные стадии приведения в первоначальный вид комнаты, в которой произошла бойня.

Наконец последний снимок.

В комнате наведен идеальный порядок. Люди в пластиковых комбинезонах накладывают последние штрихи на интерьер. На этот раз в кадр попал новый персонаж. Он так же, как и остальные, одет в белый комбинезон, но капюшон висит у него за спиной, а на его лице нет ни очков, ни респиратора.

Я обвел его голову лучом лазерной указки, увеличил изображение и добавил четкости.

– Узнаешь? – спросил я Игоря.

– Бапиков, – произнес тот с плохо скрытым недоумением.

Он как будто сам отказывался верить тому, что видел.

– Он самый, – подтвердил я. – Наш старый знакомый Юрий Станиславович Бапиков, бывший куратор сектора КВБ, глава спецотдела. Бапиков совершил роковую ошибку, приняв на себя командование операцией по захвату поселка альтеров. Потерпев сокрушительное фиаско, он в результате потерял все, что имел. Из Третьего круга «Вечности» он слетел в Тринадцатый. Я так полагаю, что его не выкинули на улицу только потому, что из «Вечности» никто просто так не уходит. Да и чернорабочие «Вечности» тоже нужны. Сейчас бывший куратор Бапиков возглавляет команду чистильщиков «Два».

– Выходит, есть еще и команда чистильщиков «Один»? – спросил Виктор.

– Есть, – заверил я его. – Команда «Один» наводит порядок за ловчими, ежели те вдруг набезобразят. Команда «Два» наводит порядок за дикими.

– Так это была работа диких? – указал рукой на экран Игорь.

– Да. Это было одно из пяти убежищ вольных альтеров, выявленных и уничтоженных с помощью диких.

– Альтеров неизменно берут живыми. А тут – три трупа.

– Это были люди, жившие вместе с альтерами в поселке и вместе с ними перебравшиеся в убежище. Для поиска покинувших поселок альтеров кто-то использует диких.

– То есть дикие теперь выполняют обязанности ловчих? – спросил Игорь недоверчиво.

– Нет. Ловчие, как и прежде, забирают потенциальных альтеров и отлавливают бомжующих одиночек. Диких используют для захватов убежищ.

– Почему диких, а не ловчих?

– Помнишь, сколько неприятностей доставил в свое время ловчим всего один воплощенный альтер в кожанке и бандане? А теперь представь, что в одной комнате трое, четверо, а то и шестеро таких вот альтеров, знающих себе цену, с развитыми паранормальными способностями. Сколько нужно ловчих, чтобы повязать их? Боюсь, это вопрос без ответа. Во время штурма поселка ловчие наглядно продемонстрировали, что им нечего противопоставить истинным и воплощенным альтерам. Не хотелось бы задевать твою профессиональную гордость, но ловчие годятся только на то, чтобы бороться с детьми и беспомощными одиночками, ничего не знающими и толком ничего не умеющими. Истинные альтеры и, уж тем более, воплощенные вам не по плечу. Знаешь, чему я больше всего удивлялся, когда читал донесения о стычках ловчих с воплощенным альтером? Тому, как деликатно он с вами обходился. Потому, что на самом деле он мог давить вас, как сырые яйца! – Для наглядности я звонко хлопнул ладонью о ладонь – В лепешку!

– Ну, это ты, положим, хватил, – недовольно насупился Игорь.

Я все же задел его профессиональную гордость.

– Отнюдь, – улыбнулся я. – Я знаю этого альтера. И знаю, на что он способен. Еще раз: он вам не по зубам. А вот дикие – другое дело. Полагаю, что в силе и ловкости они не уступают воплощенным альтерам. А может, и превосходят их. У них разум людей и инстинкты диких животных. В тот момент, когда альтер задумается, нанести ли решающий удар, дикий будет действовать без промедления. Поэтому решение использовать диких против вольных

альтеров, каким бы циничным и беспринципным оно ни было, тем не менее, нельзя назвать непродуманным.

– Но они убивают людей, – немного растерянно развел руками Виктор.

– Видимо, потому, что им позволяют это делать.

Виктор приоткрыл рот, но так и не нашел, что сказать.

– С точки зрения тех, кто осуществляет проект «Джокер», это весьма рациональное и разумное решение, – ответил я на его незадачный вопрос. – Люди «Вечности» не нужны. Что с ними делать? Держать их в пансионатах вместе с альтерами – пустая трата средств. Отпустить на свободу нельзя потому, что им слишком много известно и о вольных альтерах, и о диких, и о самой «Вечности». А так, – я указал пультом на экран, – одним выстрелом удастся подстрелить сразу двух зайцев. Во-первых, убираются ненужные свидетели. Во-вторых, дикие получают свой бонус в виде свежей, не консервированной крови.

– Свежая кровь вкуснее? – вполне серьезно спросил у меня Виктор. – Или она полезнее?

– Не знаю, – столь же серьезно ответил я. – Не пробовал.

– Ладно, а с этим-то что делать? – указал на экран Игорь. – Работу ловчих ты считаешь позорной. Ладно. Но это, – снова взмах рукой в сторону экран. – Это и вовсе полный беспредел! Мы, по крайней мере, никого не убиваем!..

– Что ты предлагаешь? – спросил я.

– Не знаю, – беспомощно развел руками Игорь. – Откуда вообще у тебя эти фотки?

– Перехватил почту Бапикова.

– Он что, их в Инстаграме постит? – удивился Виктор.

– К отчетам о работе своей бригады подшивает, – ответил я.

– Эй, меня кто-нибудь слышит? – помахал рукой Игорь. – Я спросил, что мы собираемся делать?

Я прищурился, изображая недоверие.

– Почему ты вообще хочешь что-то предпринять?

– Потому, что на моих глазах совершается преступление.

– То есть издевательства над альтерами, запертыми в пансионатах при том, что никаких правонарушений за ними не числится, – это нормально, а убийства людей – это уже преступление?

– Я этого не говорил.

– Но именно это вытекает из твоих слов.

Игорь откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди – неосознанный жест, за которым кроется подсознательное желание замкнуться в себе, как в крепости.

Я мог бы заглянуть в голову Игоря и выяснить что он на самом деле обо всем этом думает. Я мог бы сделать это так аккуратно, что он ничего бы не заметил. Но я не хотел это делать потому, что он сам должен был во всем разобраться. Только тогда он сможет понять, что для него имеет первостепенное значение и каков будет его дальнейший путь.

– Надо написать письмо спин-протектору, – заявил неожиданно Виктор. – Ты ведь можешь сделать так, чтобы оно попало лично к нему в руки? – спросил он у меня.

– Замечательная идея, – сказал я столь серьезно, что это просто невозможно было воспринимать всерьез.

– А что не так? – непонимающе развел руками Виктор. – Спин-протектор со всем разберется. В конце концов, он на то и спин-протектор.

– По нашим догадкам, именно спин-протектор курирует проект «Джокер», – угрюмо произнес Игорь.

Что ж, неплохое начало.

– Не может быть, – усмехнувшись, мотнул головой Виктор. Да так энергично, чуть тубейка едва не слетала. Он в последний момент успел прихлопнуть ее ладонью. – Не может

быть! – повторил он еще более уверенно, чем в первый раз. – Да о чем мы вообще тут говорим! – Руки Виктора возмущенно разлетелись в стороны. – Это же спин-протектор! Понимаете? – Он посмотрел на нас с Игорем, как на недоумков. И еще раз повторил: – Спин-протектор! А не кто-нибудь. И вы говорите, что он причастен к какому-то там заговору?

– Не просто причастен, – сказал я. – Он его возглавляет. И боюсь, что травля вольных альтеров дикими – это только проба пера. Полевые испытания нового оружия. Ну, просто так случилось, что на свободе разом оказалось множество вольных альтеров. Так почему же не воспользоваться этим и не отработать технику работы с дикими?

– Хочешь сказать, нас ожидает нечто еще более мерзкое? – мрачно глянул на меня Игорь.

– Боюсь, что так, – ответил я. – Никто ведь ничего не знал про поселок вольных альтеров, когда был запущен проект «Джокер». Значит, изначально диких готовили не для этого.

Игорь поставил правую руку локтем на стол и в задумчивости покрутил в воздухе пальцами.

– Да бросьте вы! – возмущенно вскочил на ноги Виктор. – Спин-протектор ничего об этом не знает! И мы должны поставить его в известность...

– Сядь, Виктор, – поморщился, точно от зубной боли, Игорь. – Тебе русским языком сказали: спин-протектор в курсе.

Виктор устался на Игоря так, будто впервые наконец-то рассмотрел его как следует. И увидел такое, о чем страшно даже подумать!

– Ты сошел с ума! – уверенно заявил он. – Спятил! Или... – Он вдруг осекся и резко повернулся в мою сторону. – Это твоя работа! Ты внушил ему эту дурь!

– Успокойся, Виктор, – произнес я как можно более мягко и спокойно. – Мы пока лишь обмениваемся мнениями. Мы почти ничего не знаем о проекте «Джокер», поэтому и не можем утверждать что-то с уверенностью.

– Но спин-протектор...

– Спин-протектор нас сейчас волнует в наименьшей степени, – произнес я с нажимом. – Мы должны разобраться, кем и для каких целей был запущен проект «Джокер».

– Ну да, – подумав, кивнул Виктор. – Чтобы предоставить спин-протектору информацию во всей полноте.

Игорь мрачно хмыкнул.

– Полагаю, пришло время поговорить с тем, кто стоит во главе научной части проекта «Джокер», – сказал я.

– Ты о Левченко? – спросил Игорь.

– Точно.

– И как ты собираешься с ним общаться? У тебя есть его имейл или номер телефона? Или вы с ним уже заружились в «Скайпе»?

– Я предпочитаю личный контакт. Чтобы можно было заглянуть собеседнику в глаза.

– Или залезть к нему в мозги, – криво усмехнулся Виктор.

– Ты думаешь, я не мог бы залезть в черепную коробку Левченко прямо из этой комнаты? – спросил я.

– Полагаю, это невозможно, – Виктор с гордым видом откинулся на спинку кресла и положил ногу на ногу. – Даже если ты точно знаешь, где находится профессор Левченко, между вами слишком много активно думающих людей, создающих своими мыслями своего рода фон, эдакий белый шум, пожирающий все осмысленные звуки.

– Ну, насчет большого числа активно думающих ты сильно заблуждаешься, – улыбнулся я. – На самом деле их не так уж и много. Но в целом ты прав. На большом расстоянии белый шум мешает добраться до мыслей нужного мне человека. Тем не менее есть способ справиться с этой помехой. Для этого мне всего-то и нужно, что встретиться случайно на улице с человеком, работающим с Левченко. Я скажу ему несколько ничего не значащих слов, которые он передаст

Левченко. В результате у последнего в мозгу будет сформирован своего рода маячок, который и поможет мне выйти на прямую связь с ним. Этот трюк я проделал с Бапиковым, которому Игорь передал мои слова. А куратор, в свою очередь, произнес фразу-маячок, когда общался со спин-протектором. Так что он теперь у меня на крючке.

– Ты ковырялся в мозгах у спин-протектора! – с неподдельным ужасом воскликнул Виктор.

– Я этого не делал, – успокоил я его. – Во-первых, не думаю, что найду там что-либо для меня интересное. Во-вторых, работать с памятью человека на большом расстоянии не так-то просто. Можно не рассчитать силу воздействия и, – я улыбнулся и помахал в воздухе пальцами, – что-нибудь там испортить. Либо просто раскрыть свое присутствие. А я не хочу, чтобы спин-протектор прежде времени узнал, что я могу наблюдать за ним. Иначе, боюсь, он натянет себе на голову спецназовский шлем, обклеенный фольгой.

– Тогда как ты собираешься поговорить с Левченко? – спросил Игорь.

– Мы с тобой нанесем ему визит, – сложенными вместе ладонями я указал на Игоря. – Ты и я.

Игорь скептически поджал губы.

– И как ты собираешься это осуществить?

– Я думаю, ты мог бы позвонить дочери Левченко, с которой ты знаком, и попросить ее договориться о встрече. Смею предположить, что профессор Левченко куда более любознателен, нежели спин-протектор, а потому не откажется от встречи с Мастером. Ну, а мы уж подыдем к нему в лабораторию в любое удобное для него время.

На лице Игоря все то же скептическое выражение. Может быть, даже еще более глубокое, чем вначале.

– Ты полагаешь, это возможно?

Сам он, надо полагать, был абсолютно уверен, что это невозможно.

– Это намного проще, чем тебе кажется, – сказал я.

Игорь ничего не ответил, только молча пожал плечами. Но это не был жест недоверия. Он знал, что, скорее всего, я окажусь прав, даже если поначалу кажется, что я совершенно неправ.

– Тогда я тоже еду с вами! – решительно заявил Виктор.

– При одном условии, – сказал я. – Ты как следует приведешь себя в порядок. И снимешь наконец свою дурацкую тубетейку.

Виктор недовольно поджал губы. Но спорить не рискнул.

Глава 2

Соломон

Соломон тщательно перетасовал колоду карт, положил ее на стол и внимательно посмотрел на Андрейку, сидевшего по другую сторону стола.

– Ты готов? – спросил Соломон.

Парнишка молча кивнул.

Соломон двумя руками приподнял за края первую карту. На ней были нарисованы три волнистые линии.

– Волнистые линии, – произнес Андрейка прежде, чем Соломон успел отвести взгляд от карты.

– Верно.

Соломон отложил карту в сторону и протянул руку за следующей.

– Я могу перечислить последовательность всех карт в колоде, – быстро произнес Андрейка.

– Ну, давай проверим, – спокойно произнес Соломон.

В его словах не было даже намека на недоверие. Но он знал, что сам смог бы угадать не боле двадцати карт из колоды. Рекордом Димона были тридцать три карты. Он знал человека, которому удалось верно назвать сорок одну карту. Но ни разу в жизни он не встречал никого, кто мог бы безошибочно перечислить последовательность всех карт в колоде Зенера. Если, конечно, испытуемый не читал мысли испытателя, когда тот смотрел на карту. Это была весьма распространенная ошибка, особенно когда в роли испытателя выступал обычный человек, который даже не представлял, насколько легко, почти неосознанно, некоторые альтеры могут считывать картинку, возникающую в мозгу находящегося рядом с ним человека. Но в таком случае испытуемый демонстрировал свои способности телепата, а не ясновидящего.

– Звезда, – сказал Андрейка.

Соломон поднял первую карту в колоде и, ничего не говоря, отложил ее в сторону.

– Треугольник.

Соломон переложил следующую карту.

– Снова звезда...

Когда колода закончилась, Соломон взял карты в руки и стукнул краем колоды по столу.

– Ты прежде проходил испытание с картами Зенера? – спросил он.

– Не-а, – отрицательно мотнул головой Андрейка.

Соломон снова стукнул колодой по столу.

– Ты верно назвал все карты.

– Я знаю.

Парнишка даже и не думал хвалиться. Он просто сказал то, что хотел.

– А ты знаешь, что это невозможный результат?

Андрейка пожал плечами.

– Ну, теперь-то он уже не невозможный.

Он посмотрел на Соломона так, будто ждал одобрения.

Соломон коротко кивнул.

– Как это у тебя получается?

– Не знаю, – с недоуменным видом пожал плечами Андрейка. – Честное слово.

– Я верю тебе, – ободряюще улыбнулся Соломон. – Мы вместе стараемся разобраться с тем, как у тебя все это получается.

Соломон сказал «всё», чтобы не перечислять все те феноменальные способности, которыми обладал Андрейка. Кое-что из того, что мог делать Андрейка, получалось и у других альтеров. Однако весь фокус заключался в том, что у парнишки все способности были развиты настолько сильно, что по сравнению с ним про других можно было сказать, что их способности находились в зачаточном состоянии. К этому еще следовало добавить, что Андрейка умел почти все. Скорее всего, вообще все. Просто до проверки некоторых способностей Соломон еще не добрался. А проверять иные в доме и вовсе было опасно. И все они проявились у Андрейки сразу – с момента его обращения прошло всего три недели. Про такое Соломон тоже никогда прежде не слышал.

Соломон наугад вытащил карту из колоды и показал Андрейке ее рубашку.

– Может быть, ты видишь рисунок сквозь бумагу?

– Нет, – уверенно покачал головой Андрейка. – Я просто знаю, что на ней нарисовано.

Соломон вернул карту в колоду.

– И в какой момент ты это узнаешь?

Андрейка ненадолго задумался.

– Как только ты спрашиваешь меня об этом.

Соломон наклонился, протянул руку и взял с полки первый попавшийся том. Это оказалась книга Митио Каку «Физика будущего». Он показал парнишке обложку.

– Ты видел эту книгу прежде?

– Нет, – уверенно ответил тот.

– В каком году выпущена книга?

– В две тысячи двенадцатом.

– Сколько в ней страниц?

– Пятьсот восемьдесят четыре.

– Переводчик?

– Наталья Лисова.

Соломон открыл страницу с выходными данными. Андрейка ни в чем не ошибся.

Соломон открыл книгу примерно на середине.

– Страница двести пятьдесят пять. Первая строка.

– «врачи намеренно клонируют человеческие эмбрионы с поврежденным мозгом, которые затем вырастают и становятся слугами правящей элиты».

– Достаточно.

Соломон захлопнул книгу и вернул ее на место.

– Я правда не знаю, как это получается, – тихо, будто извиняясь за что-то, произнес Андрейка.

Соломон сделал успокаивающий жест рукой.

– Скажи, а есть что-нибудь, чего ты не знаешь? – спросил он.

– Конечно, – ответил Андрейка. – Я не знаю все то, чего еще не видел.

Соломон удивленно наклонил голову

– То есть?

– До того, как ты показал мне книгу Митио Каку, я понятия не имел о ее существовании. И, соответственно, не знал, о чем она.

– Ты успел прочитать всю книгу?

– Не прочитать. Я просто знаю теперь ее содержание.

Надо же, для него все просто!

– С точностью до строчки?

– Да.

– И тебе понравилась книга?

– В целом понравилась. Но в ней есть ряд неточностей и не до конца обоснованных допущений.

– Вот как.

Андрейка смутился.

– Это только мое мнение. Возможно, оно ошибочно.

– Я не о том, – махнул рукой Соломон. – А если я тебе скажу название книги и автора, ты тоже сразу узнаешь ее содержание?

– Нет. Для того, чтобы что-то познать, мне нужен контакт с объектом, хотя бы только визуальный.

– А при контакте с человеком ты все узнаешь о нем?

– Я запрещаю себе это делать.

– Почему?

– Внутренний мир каждого человека – это целая Галактика. Представь себе, к чему приводит столкновение двух Галактик.

– Это ты сам придумал?

– Кажется... Не могу точно сказать.

– Но ты можешь получить нужную тебе информацию о человеке?

– Разумеется.

Соломон медленно провел пальцами по лбу, будто стирая с него некий тайный знак.

Без малого три недели, с того дня, как они обосновались в убежище, Соломон пытался понять этого парня. Но каждая встреча с Андрейкой заканчивалась тем, что Соломону становились известны новые его уникальные способности. Природу столь уникального таланта Соломон постичь не мог. Хотя он и знал об этом парне кое-что такое, что не было известно никому другому, даже его сестре. Но знания Соломона касались прошлого Андрейки. Настоящее же ошеломяло Соломона своей яростной непредсказуемостью.

Дом, послуживший им убежищем после бегства из подмосковного поселка вольных альтеров, стоял в центре заброшенной деревни с красивым названием Студельки, где-то в глубинке Архангельского края. В деревне было около ста пятидесяти дворов. Однако обитаемыми к настоящему времени остались всего одиннадцать.

После того как совместными стараниями местных и центральных властей фермерство было окончательно удушено, жители деревни подались кто куда. Не все разом, а постепенно. Один за другим. По мере того, как теряли надежду обрести если и не счастье, так хотя бы покой и волю на малой родине. Ну, а что еще оставалось делать? В деревне работы не стало никакой. Хорошо, если кому только себя кормить-одевать нужно. А ежели у кого еще и дети? Их ведь еще и выучить нужно было, а ближайшая школа от деревни в ста километрах. Пешком не набегаешься. А если у кого машина и была, так денег на бензин где взять?.. Короче, остались в деревне только старики да старухи, которым податься вообще некуда было. Жили сообща, кормились только с собственных огородов да со своей же скотины. Самой большой проблемой было дров на зиму запасти. До последнего года, когда и свет за неуплату отключили. Свечей и батареек для фонариков не напасись – приходилось лучины жечь.

Поэтому последние жители Студелек несказанно обрадовались, когда в деревне объявились вдруг городские, которые захотели дом, а то и два купить, чтобы время от времени приезжать сюда развеяться да отдохнуть. Да, берите любой дом, сказали им старики, а нужно, так десять – все одно ведь без нужды всякой стоят, рушатся без присмотра!

Городские взялись за дело споро и с умом. Перво-наперво свой генератор запустили и во все дома, где еще люди жили, линии протянули. И ведь даже не заикнулись об оплате! Потом они сами себе продукты завозить стали. И снова о стариках не забывали! Берите, говорят, гостинцы, соседи дорогие. А старикам, им много ль надо? Главное, что хлеб да соль теперь регулярно привозили, да к ним еще и сыр с колбаской.

Жизнь в Студельках, можно сказать, что наладилась! А когда городские старикам в один из домов большущий новый телевизор поставили, а на крышу телевизионную тарелку повесили так, что можно стало аж сто сорок пять разных программ смотреть, старики решили, что рано им еще помирать-то. Жили себе да радовались. И дела им не было до того, чем там в своих домах занимаются городские, кто к ним в гости приезжает и как подолгу живет. А если бы и узнали, что большинство из тех, кто в тех двух домах живут, это и есть те самые альтеры, про которых в новостях чуть ли не каждый день всякие страхи рассказывают, старики бы и такому повороту не удивились. Ну и что с того, что альтеры? Главное, что люди хорошие! А новости они все равно не смотрели – им они ничего нового сказать уже не могли. Старики отдавали предпочтение каналам вроде *National Geographic*, *Animal Planet* и тем, что сериалы показывают.

Соломон взял в руки колоду карт и механически принялся тасовать ее. Только чтобы руки занять.

– Как Вера? – спросил он.

Андрейкин взгляд опустил вниз и уперся в стол.

– Вяжет целый день. Ни с кем не разговаривает.

– Что вяжет?

– Не знаю.

Андрейкина старшая сестра Вера не хотела, чтобы ее брат стал альтером. И после того, как это все же случилось, поскольку просто не могло не случиться, она будто выпала из реальности. Ей было все равно, где они находятся, ее не интересовало, что происходит вокруг, она ни с кем не разговаривала, ела, только когда Андрейка приносил ей еду и совал в руку ложку. И как на беду, в их убежище не нашлось человека, разбирающегося в душевных проблемах на более или менее профессиональном уровне. А любители в этом деле не только не помогут, а еще и навредить могут. Поэтому Соломон велел всем оставить Веру в покое, доверив общение с ней одному Андрейке. Может быть, со временем она сама убедится в том, что, став истинным альтером, Андрейка все равно остался ее братом.

– Ну, а вообще, как она?..

Андрейка пожал плечами.

– Да как обычно.

«Как обычно» – значит «никак».

Соломон тяжело вздохнул. Ему было крайне неприятно то, что произошло с Верой. Кто бы мог подумать, что обращение брата в истинного альтера станет для девушки трагедией, с которой невозможно смириться. Люди очень по-разному реагируют, когда узнают, что их близкие – альтеры. Одни – смеются, другие – плачут, третьи начинают ругаться, четвертые отказываются в это верить... Но с такой реакцией, как у Веры, Соломон сталкивался впервые. (Вот же дела, усмехнулся про себя Соломон, почти все, что связано с Андрейкой, оказывается для него впервые!) У Соломона имелось предположение, что странное состояние Веры было связано с тем, что на самом деле она всегда знала, что ее брат – альтер. Вот только мысль об этом она запрятала в самых потаенных глубинах своей памяти. Так далеко, что и сама поверила в то, что забыла. Соломон уже не первый раз сожалел, что нет рядом доктора Снайдерова, с которым можно было бы посоветоваться по этому вопросу. Так уж случилось, что Вениамин Павлович оказался в другой группе. Те, кто распределяли людей и альтеров по убежищам, старались, чтобы в каждой группе непременно присутствовал сильный лидер, способный принимать ответственные и непростые решения. И доктор Снайдеров, несомненно, был одним из таких.

– На сегодня, пожалуй, хватит, – улыбнулся Соломон Андрейке. – Завтра мы проверим, умеешь ли ты предсказывать будущее.

– Не умею, – уверенно заявил Андрейка. – Никто не может предсказывать будущее.

– Почему ты так думаешь?

– Потому, что будущего еще не существует и то, каким оно будет, зависит от множества факторов разной степени неопределенности. Просчитать их все физически невозможно, в силу того что вся система находится в крайне неопределенном состоянии. А попытка просчитать ее становится дополнительным фактором неопределенности, который также следует принимать в расчет. Что, в свою очередь, становится новым фактором неопределенности, который так же нельзя не учесть. И так до бесконечности. Таким образом, любая попытка предсказать будущее становится фактором неопределенности, привносимым в систему самим предсказателем, что делает предсказание будущего абсолютно пустой затеей.

Соломон недоверчиво прищурился.

– А ты не переусложняешь?

– Ничуть, – как всегда уверенно ответил Андрейка.

От того, насколько этот тринадцатилетний парнишка был уверен в том, что он говорил и делал, Соломону порой становилось не по себе. Мир уже несколько раз оказывался на краю гибели, чему немало поспособствовали люди, абсолютно уверенные в своей правоте. Правда, надо сказать, что это были именно люди, а не альтеры.

– Хорошо, – с едва слышным хлопком Соломон свел ладони вместе и сцепил их в замок. – Давай обсудим это завтра. И, если найдешь время, изложи письменно свои соображения о роли личности в истории.

– Как мне кажется, роль личности в истории очень сильно недооценивается. Однако следует непременно заметить, что историческая личность – это далеко не всегда пассионарии, о которых писал Гумилев. Именно растратчики энергии паразитического типа зачастую становились...

Соломон улыбнулся и поднял руку.

– Завтра, Андрейка. Завтра и на бумаге.

– Хорошо.

Андрейка прыгнул со стула, на котором сидел, и направился к выходу. Сделав пять шагов, он вдруг остановился, вскинул к плечу руку с выставленным указательным пальцем и замер.

– В чем дело, Андрейка? – удивленно посмотрел на него Соломон.

В ту же секунду дверь распахнулась и в комнату вошел Димон.

Он пришел прямо с улицы – на его черной куртке еще белели снежинки, а щеки и нос были красными от мороза.

– Привет, Димон! – радостно воскликнул Андрейка.

– Привет, Андрейка! – Димон на ходу потрепал парнишку по волосам. – Еще не собрался вступить в мою команду?

– Я-то давно готов, – сцепив руки за спиной и выпятив грудь, Андрейка принял, как ему казалось, по-взрослому серьезную позу. Несмотря на удивительные даже для альтера способности, он все же оставался тринадцатилетним мальчишкой, пускай и не вполне обычным. – Только вот Соломон пока не позволяет мне стать воплощенным.

– Правда? – с деланным удивлением посмотрел на Соломона Димон. – Не разрешаешь?

– Надо подождать, – со всей серьезностью отвечивал Соломон. И для убедительности даже ладонью по столу провел. – Сам знаешь, стать воплощенным...

– ...это не за водой к колодцу сбегать, – закончил за него Димон. И вроде как незаметно подмигнул Андрейке.

– Воплощение требует особой собранности, внимания и ответственности, – Соломон еще раз провел ладонью по столу. – А самое главное, истинный альтер перед воплощением должен познать самого себя настолько глубоко, насколько это вообще возможно.

– Соломона слушаться нужно, – многозначительно двинул бровями Димон.

Парнишка скроил недовольную гримасу и двинулся к выходу.

– Вере привет передавай! – крикнул вслед ему Димон.
Андрейка молча махнул рукой и закрыл за собой дверь.

Глава 3

Юлия

Серебристый «Бентли» свернул на узкую дорогу с односторонним движением. Покрытие на дороге было настолько идеальным, что это уже наводило на мысль, что ведет она не куда-нибудь, а именно туда, куда большинству путь заказан, и, если ты из этого самого большинства, то лучше сразу давай задний ход. Но большинство на «Бентли» и не ездят. Так ведь? Если же у кого-то из большинства, случайно свернувшего на дорогу, еще и оставались какие-то сомнения насчет того, что он попал туда, куда его не звали и где его уж точно не ждут, ему следовало взглянуть на то самое идеальное дорожное покрытие, по которому машина катила так, будто у нее рессоры были мягче и нежнее гагачьего пуха. На дорожном полотне не было ни единого пятнышка снега. Как будто те, кто следили за состоянием дороги, специальными снегоборниками незамедлительно подбирали каждую упавшую на асфальт снежинку.

– Я был здесь несколько раз, – сказал, глядя в окно, Шарков. – Дорога ведет к пансионату номер один. Сюда привозят альтеров из всего Московского региона. Здесь им оказывают первую помощь, после чего распределяют по другим пансионатам.

Он сидел на заднем сиденье рядом с Карцевым. Который ради этой поездки очень постарался и так привел себя в надлежащий вид. Шапочку из фольги он аккуратно сложил и положил в карман куртки. На всякий случай. Рассчитывая, что в случае возникновения чрезвычайной ситуации он успеет выхватить ее и, сдернув спортивную шапку, натянуть на голову.

– Ты не находишь, что слова «первая помощь», произнесенные в данном контексте, звучат исключительно цинично, – не оборачиваясь, спросил сидевший за рулем Мастер.

Он впервые в жизни сел за руль, но при этом вел машину так уверенно, будто делал это всю жизнь.

Шарков оставил вопрос Мастера без ответа.

– Надеюсь, ты позаботился о пропусках? – спросил он. – Здесь действует система одно-разовых электронных ключей, код которых ежедневно меняется.

– Разумеется, – коротко кивнул Мастер.

Впереди показался шлагбаум, светящейся красно-белой полосой пересекающий черное полотно дороги.

Охранников видно не было. Но Шарков знал, что они возникнут будто ниоткуда, как только машина остановится перед шлагбаумом. Поговаривают, что их дежурка задрапирована тканью-хамелеоном, делающей любой предмет практически невидимым. Возможно, так оно и есть. Ткань-хамелеон стоит бешеных денег, но «Вечность» может себе это позволить. Если бы возникла такая необходимость, «Вечность» укрыла бы тканью-хамелеоном весь пансионат.

Охранники не станут ничего спрашивать. Они будут молча ждать, когда ты вручишь им свой электронный ключ. Как долго они готовы были ждать и что произойдет, если ключ так и не появится, Шарков не знал. Он ни разу не сталкивался с подобной ситуацией. И, честно говоря, ему не очень-то хотелось задаваться подобными вопросами. Достаточно было знать, что без аутентичного электронного ключа к пансионату номер один нельзя было даже близко подъехать.

Но все произошло совсем не так, как ожидал Шарков. При их приближении шлагбаум сам собой поднялся. А охранники так и не появились.

Шарков посмотрел на Мастера – не иначе, это были его работа. Зачем, если можно было потребовать пропуск вместе с машиной? Чипизубов не стал бы отказывать в такой малости. Но вместо этого Мастер предпочел воткнуть еще одну шпильку в свою виртуальную куклу вуду, изображающую спин-протектора.

Они еще минут десять ехали по ровной, прямой, как стрела, дороге. По обеим сторонам трассы стеной стоял лес, занесенные снегом ели, березы и осины, высоченные, будто подпирающие макушками суровое, серое, так и льнувшее к земле небо. Ветви деревьев переплетены между собой так, что без мачете не продрасться. Глухомань первозданная. Даже не верится, что это всего-то Новая Москва.

Машина остановилась возле решетчатых, декорированных ажурной ковкой ворот.

Двое охранников с автоматами, опущенными стволами вниз, с двух сторон подошли к машине.

Мастер чуть приоткрыл боковое окошко. И через шелку, сквозь которую в машину тотчас же потянулся шлейф морозного воздуха, передал охраннику карманный календарик с шикарно расплывшейся физиономией какого-то местного депутата, который пронирыливый молодой человек всучил им на светофоре. У агитатора была очень любопытная тактика. Отлично понимая, что календарики с портретом его босса, здорово смахивающего на пельменя-мутанта, вынашивающего планы уничтожения всего мира, на фиг никому не нужны, и даже неистребимая в душах людских тяга к халяве тут не поможет, он нацепил на спину и грудь плакаты с изображениями миленьких котят. Подходя к машине, он придавал лицу несчастное выражение и пальцем указывал на котят. Стоило только заинтригованному водителю приоткрыть окно, как в него тотчас же летел календарик.

Как ни в чем не бывало, охранник принял календарик и приложил его к замку. И ворота открылись! Поблагодарив охранника коротким взмахом руки, Мастер въехал на территорию пансионата.

Пансионат номер один мало чем отличался от пансионата номер сорок пять. Тот же заснеженный парк с сотней разбегающихся тропинок встречал гостей у ворот. Только сад был чуть побольше и центр его венчал небольшой декоративный фонтан, по случаю зимы и морозов не работающий. Архитектура главного корпуса пансионата также была несколько иная. Но все равно это был старинный особняк с двумя изогнутыми подковой крыльями и широкой парадной лестницей.

Подкативший к парадному входу «Бентли» встречали двое дюжих санитаров-охранников в мятых белых халатах, притащившие за чем-то с собой медицинскую каталку.

Должно быть, вид этой парочки живо напомнил Мастеру о годах, проведенных в пансионате в качестве подопытного кролика. Лицо его резко посуровело, он взял широкополую фетровую шляпу, лежавшую рядом с ним на сиденье, резко распахнул дверцу и вышел из машины.

Опасаясь, как бы чего не случилось, Шарков тоже вышел. Но он оказался по другую сторону машины.

Санитары окинули Мастера оценивающими взглядами. И, похоже, вид его не внушил им должного уважения. А зря.

– Где альтер? – спросил охранник со шрамом над левой бровью.

Мастер ребром ладони придал тулье нужную форму и надел шляпу на голову.

– Я альтер, – сказал он.

Санитар, должно быть, решил, что это шутка, и ухмыльнулся.

– Ну, тогда полезай на каталку, – сказал другой санитар.

– Сам полезай, – тихо ответил ему Мастер.

Голос его был спокоен настолько, что Шарков подумал, что охраннику, пожалуй, лучше бы было сделать то, что ему велено. Но такова уж человеческая натура: прежде, чем пожалеть о чем-то сделанном или же, наоборот, не сделанном, ему сначала нужно нарваться на неприятность. В смысле, по башке получить.

– Слушай, ты, вообще-то, кто такой?

Санитар со шрамом с вызовом сделал шаг навстречу Мастеру.

– Я же сказал: я – альтер.

Мастер одной рукой схватил санитара за горло и чуть приподнял его, так, что только самые кончики носков его ботинок касались ступеней. Санитар дико вытаращил глаза, обеими руками ухватился за запястье Мастера и затанцевал на мысках, как неумелая балерина.

Второй санитар бросился на Мастера. Но тот поймал ладонью его лицо, и санитар затрясся, как будто через его тело пропустили солидный разряд тока.

– Кончай! – крикнул Шарков.

– Уже закончил, – с ледяным спокойствием ответил Мастер.

Он чуть выше приподнял тело санитара, которого держал за горло, и кинул его на каталку. Вслед за первым последовал и второй.

– Ты отформатировал им мозги? – выглянув из машины, с искренним интересом осведомился Виктор.

– Нет, просто преподавал урок.

Мастер ногой толкнул загруженную тележку. И она покатилась вдоль парковой аллеи.

– Ну, что, идем?

Мастер поправил шляпу на голове, провел ладонями по рукавам пальто и начал быстро подниматься по лестнице.

Шарков и Карцев поспешили следом за ним.

По случаю того, что сегодня ему предстояло нанести два официальных визита, Мастер облачился в совершенно неожиданный для него костюм. Если обычно он отдавал предпочтение простоте и удобству, то сегодня выбрал богатство и роскошь. На нем была рубашка от Бриони, темно-синий костюм от Версачи, остроносые сапоги с тисненными узорами, из искусственного материала, исключительно удачно имитирующего натуральную кожу, светло-коричневое пальто из верблюжьей шерсти и коричневая широкополая шляпа из мягкого фетра. Галстук он не надел, поскольку считал его самым бессмысленным аксессуаром мужского костюма. Впервые облачившись в подобный костюм, Мастер чувствовал себя легко и уверенно, будто носил его всю жизнь. Он выглядел как истинный денди, не привыкший ни к каким компромиссам в вопросах одежды, – у него все должно быть только самое лучшее и самое дорогое. Шарков и Карцев в своих полуспортивных куртках и джинсах рядом с ним даже на телохранителей не тянули. Так, какие-то мелкие прихлебалы.

Мастер широко распахнул парадную дверь и по-хозяйски широким шагом вошел в просторную, ярко освещенную прихожую.

Между двумя лестницами, ведущими на галерею второго этажа, стояли трое санитаров-охранников с одинаково невыразительными, серыми, будто их пеплом присыпали, рожами. Даже позы у них были одинаково угрожающие: ноги расставлены чуть шире плеч, руки скрещены внизу живота, головы опущены так, что подбородки упираются в грудь.

– Добрый день! – Мастер улыбнулся, расстегнул пальто, откинул полы назад и поправил кашне. – Мы хотим видеть Юлию Алексеевну Левченко.

– Кто спрашивает? – рыкнул один из санитаров.

– Тот, кто имеет на это право, – с улыбкой ответил Мастер.

Все трое мордоворотов разом сделали шаг вперед.

– Стоп!

Мастер вскинул руку с открытой ладонью, и следующего шага не последовало. Вся троица замерла на месте, будто они играли в детскую игру «Замри».

– Ты! – Мастер указал на того, что стоял слева. – Найди Юлию Алексеевну и скажи, что ее ждут гости. Действуй!

Санитар трусцой побежал исполнять приказ.

– А не проще было договориться о встрече? – немного нервно поинтересовался Шарков.

– Наверное, проще, – согласился с ним Мастер. – Но не так интересно. Вся прелесть жизни заключается в неожиданностях. Ты не находишь?

Не зная, что на это сказать, Шарков молча пожал плечами.

– Ну, а вы что стоите? – обратился Мастер к двум оставшимся санитарам. – Идите, заберите своих приятелей.

Он взглядом указал на дверь, и санитары резво выбежали на крыльцо.

Откинув полы пальто назад, Мастер заложил руки за спину, широко расставил ноги и хозяйским взглядом окинул прихожую. Глядя на него, можно было подумать, что он приехал сюда, чтобы купить особняк вместе с прилегающим к нему парком.

– Можно спросить, что ты с ними сделал? – поинтересовался Карцев.

– С санитарами? – уточнил Мастер, глядя на потолок, где сквозь толстый слой белил кое-где проглядывала старинная лепнина. – Ровным счетом ничего.

– Но они подчинялись тебе, как будто... – Виктор пощелкал пальцами, пытаясь подобрать нужное слово.

– Как будто так и должно быть, – помог ему Мастер.

– Верно! – еще раз щелкнув пальцами, Карцев направил на него указательный.

– Я не влезал в их головы и не трогал их гнилые мозги, – презрительно скривился Мастер. – Мне помешала бы сделать это элементарная брезгливость. Ты это хотел узнать?

– Мысли имеют свой запах?

– Не запах, нет, – Мастер наморщил нос и потер согнутым пальцем его кончик. – Это как бы некое субъективное ощущение. От контакта с чужим сознанием остается впечатление, которое можно сравнить с многоплановой, объемной картиной, наполненной цветами, запахами, вкусами, тактильными ощущениями, звуками... Это похоже на то, как словами мы выражаем самые разные понятия и чувства. Хотя, казалось бы, слова – это всего лишь звуки, а то и просто знаки на бумаге, от одних мы получаем истинное наслаждение, другие же способны шокировать, обидеть, оскорбить, как пощечина. Одни слова мы готовы слушать вновь и вновь, другие хочется поскорее забыть. То же самое и с мыслями. Мысли ведь те же самые слова, только не высказанные вслух.

– Весьма любопытно, – Карцев провел пальцами по бровям. – Никогда об этом не задумывался. Но как же ты тогда справился с этими мордоворотами? Ты применил гипноз?

– Полагаю, ты слышал о нейролингвистическом программировании?

– Разумеется.

– Я использовал что-то вроде НЛП, только на несколько уровней сложнее. Интонации голоса, особая ритмика речи, выверенный подбор слов, отточенная жестикуляция, точный взгляд, мимика – все это информация, которую собеседники считывают в ходе разговора. Как правило, это происходит совершенно неосознанно, а расшифровка полученных данных ведется на подсознательном уровне. Ты перекинулся с незнакомым человеком парой ничего не значащих фраз и уже понимаешь, что ему, скорее всего, не стоит доверять. Я могу делать все то же самое совершенно осознанно. Именно поэтому стоило мне только заговорить с санитарями, они поняли, что я имею право ими командовать. Кто наделил меня этим правом – этот вопрос они себе не задавали, опять же потому, что я не позволил им это сделать, определив вопрос как лишенный всякого смысла. Теперь, полагаю, тебе ясно, почему в шапочке из фольги нет никакого смысла?

– Почему же тогда на лестнице, чтобы убедить санитаров, тебе пришлось использовать грубую физическую силу? – поинтересовался Шарков.

– Потому, что они вели себя слишком грубо, – объяснил Мастер. – И мне захотелось их проучить.

Беседу прервал стук каблучков по мраморной лестнице.

Неторопливо ступая, Юлия Алексеевна Левченко плавно спускалась по лестнице, едва касаясь пальцами мраморных перил. Высокая, стройная, светловолосая, в белом, накрахмаленном до хруста халате, с большими, едва ли не в пол-лица очками в причудливой пласти-

ковой оправе – она шла, внимательно изучая взглядом гостей. Двое из них были ей хорошо знакомы. Третьего, в светло-коричневом пальто и широкополой шляпе, она видела впервые, но уже чувствовала к нему расположение.

Мастер порывисто сорвался с места и встретил Юлию возле лестницы, заставив ее остановиться на последней ступени.

– Юлия Алексеевна! Позвольте представиться – Мастер!

Он сорвал шляпу с головы, откинул руку со шляпой в сторону и низко опустил голову, прижав подбородок к воротнику рубашки с расстегнутой верхней пуговицей.

– Просто Мастер? – с интересом посмотрела на него Юлия. – И все?

– Если вам так будет угодно, – улыбнулся Мастер.

У него не было никакого личного опыта общения с женщинами. Вся информация на эту тему была почерпнута им из литературы и фильмов. Но получалось у него все естественно и живо, хотя, может быть, и немного пафосно. А некоторая избыточность только придавала его действиям живописную яркость. Внимательно посмотрев на него, Юлия пришла к выводу, что Мастер был похож на Фредди Меркьюри времен его золотой поры. Только усов не хватало. Хотя, дело было не столько во внешнем сходстве, сколько в эмоциональном ключе.

– Ну, что ж, пусть будет просто Мастер, – улыбнулась Юлия. – Но тогда уж и меня называйте только по имени.

Мастер кинул шляпу на голову и протянул обе руки, будто желая помочь Юлии спуститься с последней ступени лестницы. Но как только она вложила свою руку в его ладонь, Мастер припал к ее запястью поцелуем.

– Ну, это уже слишком, – недовольно сдвинула брови Юлия.

– Серьезно? – недоверчиво посмотрел на нее Мастер.

– Абсолютно.

– Извините, – Мастер выпустил руку Юлии из своей.

Вид у него при этом был совершенно обескураженный. Он понял, что совершил ошибку, но не мог сообразить, в чем именно она заключалась.

Юлия сама сделала последний шаг с лестницы и, словно позабыв о Мастере, направилась к стоявшим у дверей Шаркову и Карцеву.

– Ну, что? – спросила она с видом строгим, как у учительницы алгебры. – Наконец-то нашли время дать о себе знать?

– Это Мастер! – тут же кивнул на альтера Виктор.

– При чем тут Мастер? – недоумевающе развела руками Юлия.

– Это Мастер привез нас сюда.

– То есть без него вы бы сюда не приехали?

– Без него нас бы сюда не пустили, – уточнил Шарков.

Юлия молча кивнула – с последним трудно было поспорить.

– Ну а как вам удалось получить пропуск? – спросила она у Мастера.

– У нас не было пропуска, – ответил тот.

– Шутите?

– Вовсе нет.

– Как же тогда?..

Мастер вскинул руки и раскинул пальцы веером.

– Ловкость рук.

– Он вместо пропуска дал охраннику карманный календарик, – сообщил Карцев.

– Охранник взял календарик и пропустил вас? – недоверчиво прищурилась Юлия.

– Именно так, – подтвердил Мастер.

– Ложь! – презрительно фыркнула Юлия. – Он бы не смог этого сделать, даже если бы захотел!..

– Послушайте, – осторожно, боясь вновь допустить какую-нибудь оплошность, Мастер кончиками пальцев коснулся локтя женщины. – Давайте поговорим обо всем в машине.

– Игорь, когда звонил, сказал, что вы собираетесь навестить моего отца, и предложил составить вам компанию. К нему в лабораторию вы тоже собираетесь заявиться без пропуска?

– Да, – кивнул Мастер.

Лицо и взгляд у него при этом были такие, что его просто невозможно было заподозрить во лжи.

– Но это невозможно, – качнула головой Юлия.

– Давайте съездим и проверим, – заговорщицки подмигнул Мастер. – Вам же хочется это, Юлия! Вы ведь никогда не были на работе у своего отца и понятия не имеете, чем он там занимается! Кроме того, я думаю, он будет рад вас видеть.

– Как бы мне этого ни хотелось, я не могу покинуть пансионат во время своей смены, – обреченно вздохнула Юлия.

– И кто может вас от этого освободить? – спросил Мастер.

– Ну, если только сам спин-протектор, – улыбнулась Юлия.

– Отлично. У вас есть мобильный? – Мастер протянул руку.

– Это уже не смешно, – Юлия перестала улыбаться.

– А я вовсе и не шучу, – вполне серьезно ответил ей Мастер.

– Он не шутит, – подтвердил Виктор.

Глава 4

Димон

Устало опустившись на стул, Димон стянул с головы темно-малиновую спортивную шапку с широкими отворотами, под которой пряталась неизменная бандана с черепами. Расстегнув куртку, Димон сдернул с шеи шарф.

– Чаю хочешь? – спросил Соломон.

– С превеликим удовольствием, – блаженно улыбнулся Димон.

Соломон включил электрический чайник и поставил на стол две большие кружки.

Димон постоянно жил в другом убежище, но раз в неделю-другую, как позволяли обстоятельства, навещался в Студельки, чтобы обсудить с Соломоном насущные вопросы, которых и с самого начала была тьма-тьмуца, а с каждым днем становилось все больше.

– Ну, как тут у вас? – спросил Димон.

– Как и прежде, – ответил Соломон. И, немного подумав, добавил: – Скучно.

Димон улыбнулся.

Нужно было знать Соломона, чтобы понять, что означало это его «скучно». Деятельная натура Соломона не давала ему и минуты на месте просидеть, если он не был занят каким-то делом. А он умел находить для себя дела. Причем такие, справиться с которыми мог только он один. Кто еще, как не Соломон Шток, смог бы построить поселок, продумать и организовать всю инфраструктуру, чтобы собрать в одном месте более пятисот альтеров? И все это в ближнем Подмосковье, под самым носом у ловчих. И поселок этот просуществовал не год и не два, а десять лет. До тех пор, пока слетевший с катушек альтер Алексей Муромский не возомнил себя Мастером и не сдал, каналья, поселок ловчим.

Соломон утверждал, что Муромский на самом деле Мастер и что у него есть какой-то там план, ради которого он и указал на поселок ловчим. Димон в это не то чтобы не верил – скорее, не хотел смешивать все в одну кучу: планы Муромского и планы Соломона. Что там замышляет Муромский, никому не ведомо, а Соломон вот уже на протяжении многих лет вполне конкретно помогал альтерам выживать и оставаться самими собой в мире, который отказывался их принимать.

В общем, сидеть без дела для Соломона было все равно что для кого-то другого рвать зуб мудрости у стоматолога-практиканта. Ему требовалось какое-нибудь серьезное дело. И желательно не одно. Но чем можно было заняться в заснеженном домишке посреди брошенной всеми деревни? Поэтому приезды Димона были для Соломона как глоток свежего воздуха в застоявшейся духоте чулана. Димон ведь тоже был таким, как он, – без дела начинал хиреть и чахнуть.

– Чужаки не появлялись?

– Нет. – Соломон ополоснул кипятком чайник, насыпал в него заварку и налил воду. – У нас тут тишь, да гладь, да божья благодать, – произнес он с неизбыточной тоской.

– Следов каких вокруг не было?

– Да не беспокойся ты, Дмитрий, – Соломон сел за стол напротив Димона, подпер щеку кулаком и улыбнулся. – Игорёк свое дело знает. Раз в день он на пару с Николаем обходит деревню, от дальних ферм до сгоревшей силосной башни. И хоть бы раз чего приметили. Чужие, Дима, здесь не ходят. Нечего делать чужим в этой глухомани.

Димон перевел взгляд на чайник.

– И ничего странного тоже не замечали?

– О чем это ты? – недоумевающе сдвинул брови Соломон.

– Ну, мало ли что... – Димон как будто проглотил конец фразы. – Волки, к примеру, у вас тут не объявлялись?

– Волки, говоришь? – Соломон встал, взял чайник и, не торопясь, тоненькой струйкой начал наливать чай в кружку. – Ты к чему это клонишь?

– Да так, – улыбнувшись, махнул рукой Димон.

Он не хотел попусту пугать Соломона, когда никаких фактов у него не было, одни лишь догадки да подозрения.

– А как Андрейка? – спросил он, чтобы сменить тему разговора.

Соломон вздохнул и покачал головой. Наполнив кружки чаем, он выставил на стол вазочки с баранками, овсяным печеньем, мармеладом и нугой.

– Андрейка не перестает меня удивлять. Это что-то невероятное! Всего три недели, как он стал истинным альтером, а парнишка уже способен на такое, о чем и мечтать не могут многие воплощенные. Сегодня он назвал мне все карты в колоде Зенера. Ни разу не ошибся.

– Может, он читал твои мысли? – высказал самое очевидное предположение Димон.

– Я открывал карту только после того, как он называл ее. Он владеет левитацией, телекинезом, пирокинезом, телепортацией... Про телепатию я даже не говорю – для него это настолько просто, что даже неинтересно. Дед Спиридон ради смеха предложил ему поиграть в телепорт-догонялки. И мне подмигнул, смотри, мол, как я его сейчас уделаю. Так что бы ты думал, он не смог поймать Андрейку! А уж лучше деда Спиридона никто телепортацией не владеет. После этого дед Спиридон взялся учить Андрейку своей технике телепорт-карате. Нахвалиться на него не может. Говорит, что скоро ученик превзойдет учителя.

– Да уж, дела, – Димон сделал глоток чая и блаженно зажмурился.

Если дед Спиридон был гением телепортации, то чай лучше всех заваривал Соломон.

– Сегодня мы выяснили, что Андрейке достаточно только посмотреть на обложку книги, чтобы узнать ее содержание. Представляешь? При этом он утверждает, что сам не понимает, как получает информацию.

– Так, может, он тоже Мастер? – предположил Димон.

– Нет, – как комара, расплющил Димонову догадку Соломон. – Во-первых, Мастером человек становится в зрелом возрасте, будучи воплощенным альтером и пережив какое-то сильное эмоциональное потрясение. Андрейка же едва стал истинным. Во-вторых, средневековые летописцы, на которых я уже ссылался, в один голос твердят, что в одном поколении может появиться только один Мастер.

– Ну, летописцы могут и ошибаться. Кто-то один ляпнул, а остальные повторили.

– Может быть, – не стал спорить Соломон. – И все же Андрейка не Мастер. Он что-то совсем другое. Что-то, о чем мы ничего не знаем и пока что не можем понять. Пока он еще только мальчик, едва-едва прошедший обращение. Попробуй только представить, на что он будет способен, когда станет воплощенным альтером.

Димон честно попытался, но у него ничего не вышло. На что еще может оказаться способен альтер в будущем, если он сейчас уже может все и даже более того?

Взяв двумя пальцами белый, липкий кусочек нуги, Димон внимательно посмотрел на Соломона. Разумеется, Соломон не лжет, когда говорит, что ему не известна истинная природа Андрейкиных талантов. Однако в разговорах с Димоном Соломон сам пару раз намекал на то, что ему известно о Андрейке что-то, чего он пока никому не может или не хочет рассказать. Видимо, у него имелись на то причины. Димон всецело доверял Соломону, а потому и не лез с расспросами. Придет время, Соломон сам все расскажет. Если сочтет нужным.

– И что нам с ним делать? – спросил Димон.

– Прежде всего, необходимо позаботиться о том, чтобы рядом с ним всегда находился наставник, которому Андрейка доверяет и от которого у него нет секретов. Наставник, кото-

рый будет помогать ему принимать правильные решение и воздерживаться от необдуманных поступков.

– Ну, с этим, я полагаю, проблемы нет, – улыбнулся Димон.

– Пока я справляюсь с этой ролью, – серьезно ответил Соломон. – Но не думаю, что смогу всегда оставаться для Андрейки непререкаемым авторитетом. Молодежь отрицает то, что им говорят старшие, уже только потому, что возраст является для них не заслугой, а как раз наоборот – причиной для конфликта. Молодые ищут свои пути в жизни. Расшибают себе лбы, ломают ноги, но все равно уперто прут по бездорожью, – Соломон лукаво прищурился. – Да кому я рассказываю. Ты сам все это прекрасно знаешь. И это нормально. Если бы вы топали по тропинкам, протоптанным отцами и дедами, жизнь стояла бы на месте. Но в случае с Андрейкой любая ошибка может оказаться роковой. Причем не только для него самого. Ты ближе к нему по возрасту, и к твоим словам он прислушивается внимательнее, чем к моим.

– Да какой из меня наставник, – криво усмехнулся Димон.

– Не хочешь быть наставником, стань для него другом. Нельзя допустить, чтобы Андрейка оставался один. Или, не приведи случай, сбежал, как Муромский, – Соломон раздавил в кулаке баранку. – В любом случае это вопрос не сегодняшнего дня. Я дам тебе знать, когда пойму, что сам уже не справляюсь.

Какое-то время они молча пили чай. Соломон с баранками, Димон с мармеладом. То, что Димон не спешил сообщать новости, уже говорило о том, что они плохие. Поэтому и Соломон не торопил события.

Когда кружка Димона опустела, Соломон заново наполнил ее. Димон сделал глоток и поморщился, как будто в кружке был не чай, а раствор хинина.

– Плохо? – тихо спросил Соломон.

Димон молча кивнул.

– Что теперь?

– Шестое убежище накрыли.

– Где?

– В Вологде. Новый жилой район. Дома еще не заселены до конца. Соседи друг друга даже в лицо не знают. – Димон вскинул вверх пальцы лежащей на столе ладони. – Убежище казалось исключительно надежным.

– Сколько человек?

– Семеро.

– Кто был старший?

– Игорь Плотников.

Соломон коротко кивнул.

– Шесть убежищ за три недели. Надежные, как ты сам говоришь, убежища. Это не может быть случайностью. Не могли шесть групп почти одновременно засветиться столь явно, что кто-то тут же настучал на них ловчим. Значит, мы имеем дело с предательством.

– Списки убежищ имеются только у моих ребят и еще четырех человек. В том числе у тебя.

– Да, но наверняка многие имели возможность заглянуть в них. Хотя бы мельком. Если ты обладаешь феноменальной памятью, то снять копию – не проблема.

– Ты думаешь, нас предал альтер?

– Я не могу исключить такую возможность.

– Почему тогда не накрыты все убежища разом?

– А куда им торопиться? Они уверены, что мы никуда не денемся.

Димон задумчиво почесал щеку.

– Я много думал об этом, Соломон. И так крутил ситуацию, и эдак, – Димон сделал несколько быстрых движений кистями рук, как будто собирал невидимый кубик Рубика. – И

никак у меня концы с концами не сходятся. Все время остаются какие-то пробелы. Смотри. Если у ловчих имеется список всех наших убежищ, почему они начали с окраин? В Подмосковье у нас пять убежищ. И ни одно из них пока не накрыто. Тебе не кажется, что логичнее было бы начинать с того, что рядом, только руку протяни?

– У меня своя логика, у ловчих – своя.

Соломон развел руками, будто хотел сказать: «Ну как можно браться судить о том, о чем не имеешь представления?»

– В каждом из шести накрытых убежищ находилось от четырех до семи альтеров, как истинных, так и воплощенных, – продолжил Димон. – Помнишь, какого шороху мы задали ловчим в поселке? А тут все прошло тихо и гладко.

– Быть может, сработал эффект неожиданности?

– Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Соломон? Там были альтеры, которых невозможно застать врасплох. Почувствовав приближение ловчих, они могли успеть скрыться или подготовиться, чтобы дать бой. Один хорошо подготовленный воплощенный альтер стоит пяти, а то и семи ловчих.

– Не меряй всех своей меркой, – заметил Соломон. – Далеко не все альтеры совершенствуются, развивая боевые навыки, как это делаешь ты. Кто-то развивает в себе способность к научному познанию, кто-то совершенствует эстетическое восприятие, кто-то изучает самого себя, кто-то пытается постичь Вселенную...

– Все равно, – прервал Соломона Димон. – Кто-то должен был суметь уйти от ловчих. Кто-то непременно сумел бы переиграть их, хотя бы просто за счет умения просчитывать ситуацию. Ловчие работают очень грубо и прямолинейно, все время используют одни и те же наработанные схемы. И я не верю, что они смогли переучиться за пару недель после того урока, что мы преподнесли им в поселке.

Соломон озадаченно выпятил губу.

– Ну, и что ты хочешь этим сказать?

Димон молча развел руками.

– Готов об заклад биться, это работа не ловчих.

– Чья же тогда?

– С альтером может справиться только другой альтер, если он сильнее и лучше подготовлен. – Димон сделал паузу. Соломон молчал, ожидая продолжения. – Мне кажется, тут не обошлось без Мастера.

– Мастер ловит альтеров для «Вечности»?..

Соломон скептически поджал губы и с сомнением покачал головой.

– Он вернулся в пансионат, в котором его держали двадцать лет, – напомнил Димон. – Может, это что-то вроде Стокгольмского синдрома?

– Почему он тогда предупредил нас о захвате поселка?

– Таким образом он дискредитировал ловчих. Теперь он единственный и неповторимый охотник на альтеров.

– Нет, – решительно отмел подобное предположение Соломон. – Для Мастера это слишком мелкая задача.

– Это может быть не конечной целью, а промежуточным этапом на пути к ней. Помнишь, ты ведь сам мне рассказывал, что идеологом якобинского террора тоже был Мастер.

– Тот Мастер не читал «Улисса».

– Верно, – подумав, согласился Димон. – А при чем тут это?

– Ты полагаешь, что человек, который смог прочесть и оценить «Улисса», может оказаться способен на низость и подлость?

На этот раз Димон ответил не сразу. Ему потребовалось воскресить собственные впечатления от прочтения «Улисса». Книга показалась Димону несколько затянутой, местами скучной. И все же... И все же он снова согласился с Соломоном:

– Не думаю.

Соломон улыбнулся и протянул Димону мармеладку.

– Черничная, – сказал он. – Самая вкусная.

Димон взял мармеладку и сунул в рот.

– Ну, если Мастер тут ни при чем, тогда я вообще не понимаю, что происходит и кто стоит за всеми этими нападениями.

– Сейчас это не важно. Надо решать, как спасать людей. И на долгие размышления времени у нас нет. Ясно, что нападения на убежища будут продолжаться. В том порядке, в каком были накрыты убежища, не просматривается никакой системы, значит, мы не можем предугадать, где будет нанесен следующий удар. Мы должны исходить из того, что противнику известны местоположения всех убежищ, и следующим может оказаться любое из них. Сколько их всего?

– Пятьдесят два. Кстати, насчет системы. Были накрыты самые малочисленные убежища.

– Это о чем-то говорит?

– Быть может, ни о чем. А может быть, о том, что противник пока не рискует трогать более крупные убежища, опасаясь получить отпор.

– Тогда это точно не Мастер. Он бы начал с самого большого.

– Почему?

– Потому, что он читал «Улисса», Дмитрий.

– А-а, – многозначительно протянул Димон. Хотя совершенно не понял, что имел в виду Соломон. – И что мы можем сделать, чтобы предотвратить очередной удар?

– Ничего. Резервных убежищ у нас не осталось?

– Нет, мы использовали все.

– Значит, прежде всего мы обязаны предупредить всех наших людей о грозящей им опасности.

– Понятно.

– Из небольших, малочисленных убежищ людей следует перевести в более крупные. С большой группой альтеров ловчим будет труднее справиться.

– Это не ловчие.

– Кто бы они ни были, они работают на «Вечность». Иначе просто быть не может. Значит, они все равно ловчие, пусть даже нового поколения.

– Ну, хорошо, пусть будут ловчие.

– И мы должны, по возможности, вооружить людей.

– Соломон! – Откинувшись на спинку стула, Димон с неподдельным удивлением взглянул на старшего товарища. – Ты ли это? Я был уверен, что никогда не услышу от тебя подобных слов!

– И лучше бы не слышал. Но сейчас у нас нет выбора. Мы должны дать людям возможность защитить себя, если сами не в состоянии сделать это.

– С оружием проблем не будет. У нас есть парочка схронов с закладками оружия.

– Самое главное, следует немедленно начать поиск и подготовку новых убежищ, о которых неизвестно ловчим. С тем, чтобы как можно скорее перевести в них людей.

Димон обескураженно покачал головой.

– Будь на дворе лето, не было бы никаких проблем. А сейчас мороз, в сарае с сеном или в шалаше долго не высидишь. Да и недолго – тоже.

– Нужно что-то придумать, Дмитрий.

– Разумеется. Будем думать.

Димон одним глотком допил остававшийся в кружке чай.

– А что в пансионатах? – спросил Соломон.

– Не знаю. Я не связывался со своими информаторами с того дня, как мы оставили поселок. Это было бы слишком опасно и для нас, и для них. Что именно тебя интересует?

– Я все думаю, как они поступили с обычными людьми, находившимися в захваченных убежищах? Люди-то, в отличие от альтеров, им ни к чему.

– Для людей можно организовать отдельный пансионат, – предположил Димон.

– Чтобы просто держать их там за казенный счет? – Соломон с сомнением качнул головой.

– Людей могут использовать в каких-то экспериментах.

Соломон скептически усмехнулся.

– Эксперименты на людях – это уже слишком. Даже для «Вечности».

– А почему нет? Этих людей никто не станет искать. Они давно уже числятся пропавшими. Юридически их просто не существует.

– Нет-нет, – помахал кистью руки Соломон. – В такое поверить я пока не готов.

– Поэтому ты и отдаешь предпочтение ненасильственным методам борьбы. А что если я предоставлю тебе доказательства?

– Того, что в «Вечности» проводят эксперименты на людях?

– Да.

– Тогда я первым подпишусь под призывом уничтожить членов «Вечности» любыми доступными способами, не останавливаясь ни перед чем.

– Того, что они ставят эксперименты на альтерах, тебе мало?

– Ну, видишь ли, друг мой, по официальной версии, мы – вечная угроза жизни на Земле. Для посвященных в суть дело членов «Вечности» мы – нелюди. Чудовища, монстры, упыри. Не сомневаюсь, что многие в это по-настоящему верят. Хотя бы уже потому, что верить в эту чушь проще, чем искать реальные объяснения тому, что происходит. Исходя из их извращенной логики, эксперименты на альтерах оправданы тем, что они якобы помогают изливать благодать на все человечество. Знаешь, во время Второй мировой войны собак использовали для изучения последствий тяжелых осколочных ранений. Врачи намеренно калечили собак, наносили им проникающие ранения, удаляли частично или полностью внутренние органы. А чтобы не сойти с ума от нескончаемого скулежа и воя страдающих животных, им удаляли голосовые связки. Безусловно, это была чудовищная жестокость. Но это делалось ради того, чтобы врачи знали, как в такой же ситуации помочь раненым людям. Однако опыты над себе подобными ничем невозможно оправдать. Этим могут заниматься только моральные уроды с полностью вывернутыми представлениями о добре и зле. Этих моральных деградантов следует изолировать или уничтожать, дабы они, не дай бог, не передали потомству свои дефектные гены.

– Интересная логика, – Димон невесело усмехнулся. – Выходит, ты готов драться за людей, но не за альтеров?

– Я готов драться за каждого, кто того заслуживает, – серьезно ответил Соломон. – Но прежде, чем лезть в драку, я должен быть уверен, что другого способа решить проблему не существует.

Глава 5

Мастер

Серебристая «Бентли» уверенно двигалась в потоке машин, строго соблюдая правила, притормаживая на светофорах и разгоняясь до разрешенной скорости на свободных участках трассы.

Вскоре Новая Москва осталась позади. Поток машин стал плотнее и движение заметно замедлилось. То и дело на перекрестках возникали локальные пробки. Которые, по счастью, сами собой рассасывались.

По Ленинградке машины так и вовсе ползли, как черепахи. Наверное, было бы скорее выйти и пешком дойти до ближайшей станции метро, чтобы под землей добраться до нужного места.

Мастер почти не обращал внимания на перепады в скорости движения. Он вел машину будто на автомате, так, что и не скажешь, что первый раз сел за руль. Юлия оказалась необычайно интересным собеседником. Именно таким, о каком он мечтал с самого первого дня своего возвращения в пансионат. Она внимательно выслушивала любое высказывание Мастера и, даже если была с ним согласна, приводила ряд доводов, которые позволяли либо несколько иначе взглянуть на заявленную тему, либо развивали ее в весьма неожиданном направлении. Очень скоро Мастер с Юлией перешли на «ты». Причем они даже не договаривались об этом – все произошло само собой. Собеседники и сами не сразу заметили, как это случилось. А когда наконец заметили, то долго смеялись, обмениваясь ссылками на похожие ситуации из классической литературы.

О литературе они вообще говорили много, увлеченно, перескакивая с одной темы на другую. Оба оказались заядлыми книгочеями, оба читали все, что попадало в руки, выбирая из общего потока то, что потом становилось любимым, оба любили не просто читать, но, как торт, разбирать текст по слоям, чтобы добраться до самых потаенных его глубин. Порой беседа их уносила в такие горные выси, что сидевшие на заднем сиденье Шарков с Карцевым только недоуменно переглядывались, силясь понять, о чем идет речь. Так, к примеру, Шаркову довелось узнать, что Набоков – это глыба, но одновременно и бездна. Как такое могло быть, он решительно не понимал. Про Набокова ему было известно лишь то, что тот написал книгу «Лолита», по которой был снят фильм, который таки Шарков посмотрел. И остался крайне недоволен увиденным. А когда Мастер с Юлией на пару, перебивая друг друга, принялись декламировать стихи современных поэтов, имена которых Шаркову вообще ни о чем не говорили, бывший ловчий окончательно заскучал. Карцев же, нахмутив брови, все пытался вспомнить, успел ли Мастер по ходу всех этих литературных бесед сказать Юлии, что он альтер? И если сказал, то получается, что никакой заметной реакции с ее стороны на данное заявление не последовало. Потому что иначе бы он непременно это запомнил.

Серебристой каплей ругути машина выкатилась на Тверскую. Здесь поток машин был густым, как настоявшийся кисель. Но неожиданно машины, едущие впереди, начали суетливо прижиматься к обочине, освобождая для «Бентли» центральную полосу.

– Что происходит? – удивленно глядя в окно, спросила Юлия.

– Надо полагать, это снова наш друг чудит, – меланхолично изрек Виктор.

– В каком смысле? – Юлия посмотрела на Мастера. – Он тебя имеет в виду?

Мастер улыбнулся.

– Я поставил на крышу машины мигалку и включил сирену.

– Какую еще мигалку? – Юлия посмотрел вверх, как будто могла видеть сквозь пластик и металл. – Я не слышу никакой сирены?

– Хочешь услышать?

Юлия зажала уши ладонями, скорчилась и болезненно скривилась.

– Выключи!

– Как пожелаешь.

Юлия осторожно убрала ладони от ушей. Убедившись, что сирены больше нет, она села прямо, вздохнула и провела пальцами по краю малиновой юбки.

– Что происходит? – спросила она строго.

Мастер через зеркало кинул взгляд на заднее сиденье.

– Что думаешь, Игорь?

– Это виртуальная мигалка и такая же виртуальная сирена, – ответил Шарков.

– Что значит виртуальная? – Юлия приподняла руки и чуть развела их в стороны.

– Это значит, что на самом деле их нет. Они существуют только в воображении тех, для кого предназначены.

– Пять баллов! – глядя в зеркало, подмигнул Шаркову Мастер.

– То есть ты внушаешь всем вокруг, – Юлия попыталась широко взмахнуть рукой, но ударилась запястьем о дверную ручку, – что у нас на машине стоит мигалка и воет сирена?

Она смотрела на Мастера, не ожидая, а требуя ответа.

Сейчас же.

Немедленно!

– Все намного проще, – улыбнулся альтер. – Я внушил это лишь троим водителям машин, ехавшим перед нами. А они уже запустили вперед своеобразную нейроволну. То есть каждый водитель, получив сигнал о том, что сзади едет машина с мигалкой, начинал слышать сирену и сам, в свою очередь, передавал эту информацию вперед по цепи.

– Но я ведь тоже услышала сирену.

– Потому, что захотела ее услышать. Люди очень часто видят и слышат не то, что есть на самом деле, а то, что сами хотят увидеть или услышать. Так всевозможные святые видят ангелов и даже разговаривают с ними.

– И все это происходит уже без твоего участия?

– Без моего участия, но под моим контролем. Нейроволна остановится, как только нам расчистят путь до Маяковки.

– Но, так ведь можно...

Юлия умолкла, не закончив фразу. Но все и без того поняли, что она хотела сказать.

– Можно, – утвердительно наклонил голову Мастер. – Еще как можно. Можно запустить не просто нейроволну, а нейроцунами, которое obeжит земной шар несколько раз. Но я не собираюсь этого делать. Кажется, даже Виктор уже в это поверил.

– Не до конца, – не разжимая губ, упрямо пробурчал Карцев.

– Ну, по крайней мере, ты свою тубетейку больше не достаешь.

Карцев с усмешкой достал из кармана куртки сложенную шапочку из фольги и демонстративно помахал ею.

– Странные у вас отношения, – прищурилась Юлия.

– В каком смысле? – спросил Мастер.

– Я думала, вы друзья.

– Нет! – решительно воспротивился такому определению Виктор.

– Ну, или единомышленники.

– Какое там, – криво усмехнулся Игорь.

– Тогда что вас держит вместе?

С минуту подумав, Шарков указал на Мастера.

– Он.

– Точно, – согласился с ним Карцев.

Юлия озадаченно поджала губы.

Посмотрев на нее, Мастер улыбнулся.

– Все очень просто, – сказал он. – Этим двоим кажется, что они знают, на что я способен. Именно что только кажется, потому что на самом деле они ничего не знают. И им обоим страшно интересно, что же я затеваю. То есть я бы сказал, что их удерживает любопытство.

– А что тебя привязывает к ним?

Мастер через плечо бросил взгляд на Карцева.

– Мне интересно с ними беседовать.

– И это все? – удивилась Юлия.

– Это не так мало, как тебе кажется. Мне, как любому нормальному человеку, порой бывает просто необходимо облечь в слова собственные мысли. Хотя бы для того, чтобы придать им законченную форму. Но разговаривать с самим собой или с монитором компьютера, согласись, очень глупо. Ну, по крайней мере, я сам чувствовал бы себя в такой ситуации невыносимо глупо. Поэтому мне просто необходимы люди, которых бы я хорошо знал и которые меня бы неплохо знали, которые умели бы не только слушать, но и комментировать услышанное, может быть, даже иногда возражать. При этом у них не должно быть в этом никакой личной заинтересованности.

– Все? – помолчав, спросила Юлия.

– Пожалуй, – подумав, ответил Мастер.

– В таком случае это и есть дружба.

– Нет, – недоверчиво покосился на Юлию Мастер.

– А что же тогда, по-твоему, дружба?

– Ну, это совместные попойки, драки, разговоры о женщинах...

– Где ты это вычитал? – не дослушав, перебила Юлия.

– У Дюма, – честно признался Мастер.

– А, ну тогда понятно, – медленно кивнула Юлия. – Какой же русский не любит «Трех мушкетеров»!

– За что? – спросил Карцев.

– За тотальный пофигизм, – ответила Юлия.

– Я ничего не понял, – сказал Мастер.

– Главное в «Трех мушкетерах» не попойки и драки. И вовсе не это определяет дружбу героев.

– Что же тогда?

– Как уже сказал Виктор, тотальный пофигизм.

– И в чем это выражается?

Юлия взглядом переадресовала вопрос Карцеву.

– «А не смотаться ли нам в Англию?» – изменив голос, с французским прононсом продекламировал Виктор. – «А почему бы и нет! – произнес он немного другим, более высоким голосом. – Все равно до пятницы делать нечего!»

– Кто бы еще, кроме друзей, поехал с тобой в секретную лабораторию подразделения «М»? К тому же без пропусков? Это ж чистой воды авантюра!

– Я не задумывался об этом, – несколько смущенно признался Мастер. – Но, вообще-то, у меня все под контролем.

На Маяковке машина свернула на Садовую.

Здесь машин было не меньше, но, поскольку ехать оставалось недолго, Мастер решил не использовать снова мигалку с сиреной.

– Ты никогда прежде не бывала на работе у отца? – спросил Мастер у Юлии.

– Да кто бы меня туда пустил? – усмехнулась она.

– И ты не знаешь, чем он там занимается?

- Только в самых общих чертах. Чем-то связанным с поведением альтеров.
- Он никогда не говорил об этом дома?
- Отец большую часть своей сознательной жизни проработал в подразделении «М». Он прекрасно знает, о чем можно, а о чем нельзя говорить с родными.
- А о чем можно?
- О погоде, о прочитанных книгах, о просмотренных фильмах, о результатах футбольных матчей, о том, что неплохо бы поменять мебель на кухне...
- Понятно. Ты не находишь это странным?
- Что именно?
- То, что поведение альтеров изучают так, будто это какие-то другие существа.
- Ну, собственно, к этому и сводится официальная точка зрения. Альтеры – это не люди. Это – чуждые нам существа, которые несут погибель всему роду человеческому. За все то время, что я работаю с альтерами, я встречала только двух человек, которые открыто пытались это опровергнуть. Для обоих это плохо закончилось. Один был уволен и не смог найти другую работу по специальности. Хотя он был талантливый врач-пульмонолог. Несмотря на это, он продолжал выступать, отстаивая собственное мнение, где только представлялось возможным, публиковал статьи в Интернете. В итоге он попал под машину. Говорят, что был сильно пьян. Хотя, насколько мне было известно, он вообще не пил ничего крепче пива. Другой известный мне врач, придерживавшийся отличной от официальной точки зрения на альтеров и не боявшийся об этом говорить, просто однажды пропал. Ходили слухи, что он уехал работать по приглашению то ли в Эмираты, то ли в Южную Корею. Но те, кто были с ним в близких отношениях, говорили, что так и не смогли отыскать его следов.
- То есть все все знают, но все молчат?
- Я бы сказала, что многие догадываются о том, что официальная версия не вполне соответствует действительности.
- И продолжают выполнять свою работу?
- А что бы ты сделал на их месте?
- Я не на их месте.
- Вот то-то и оно. Представь, что у тебя семья, дети, хорошая работа. И ты можешь все это враз потерять, всего лишь высказав несогласие с официальной точкой зрения. И, самое главное, ты все равно не сможешь ничего никому доказать. Потому что те, кому положено знать правду, и без того всё знают. А остальным она просто не нужна. Так какой же смысл бросаться с копьем на мельницы?
- Может быть, смысл в том, чтобы просто совершить правильный поступок?
- Юлия поцокала языком и покачала пальцем.
- Мы живем не в рыцарские времена. Увы. Благородным поступком нынче никого и ни на что не вдохновишь.
- Мастер постучал пальцами по рулевому колесу.
- Позволь мне с тобой не согласиться.
- Да сколько угодно, – вполне серьезно, даже без намека на снисхождение, ответила Юлия. – Я буду только рада оказаться неправой. Только уж, пожалуйста, будь добр, покажи мне доказательство моей неправоты.
- Сейчас я не готов это сделать, – так же серьезно ответил ей Мастер. – Но, обещаю, я не забуду наш разговор.
- Свернув на улицу Красина, Мастер остановил машину на четной стороне у дома номер два. Здание, похожее на огромную искусственную губку, весьма популярную в советские времена, смотрело на улицу слепыми, забранными жалюзи или заклеенными серебристой пленкой окнами. Единственная дверь с массивной медной ручкой, ведущая в здание, казалось, вообще никогда не открывалась. Никакой вывески рядом с дверью не было.

– Странное место, – посмотрев на дверь, сказал Карцев.
– Прежде здесь находилась научно-исследовательская лаборатории при Мавзолее.
– При каком мавзолее?
– А что, у нас до фига мавзолеев в Москве?
– Ты не сказал, что речь идет о Москве.
– Мог бы и сам догадаться. Ну, в общем, они там занимались поддержанием товарного вида тела вождя мирового пролетариата.

– Я думал, на Красной площади давно уже кукла лежит, – сказал Шарков.
– Лежит, но не так давно. Долгое время там лежал настоящий труп. По крайней мере, до тех пор, пока Советский Союз тоже не приказал долго жить. Однако отдельные части мумии со временем, скажем так, приходили в негодность. И их заменяли либо на искусственные протезы, либо на соответствующие фрагменты, взятые у доноров.

– Гадость какая, – скривился Карцев.

– И не говори, – согласилась с ним Юлия.

– В общем, со временем от вождя мало что осталось. И, в целях экономии бюджетных средств, его окончательно заменили муляжом. Мавзолеевскую лабораторию по такому случаю закрыли, а очень удобное здание в центре города «Вечность» забрала себе и передала подразделению «М».

– Откуда ты все это знаешь? – спросила Юлия.

– У меня есть доступ к архивам «Вечности».

Приехавшие вышли из машины и направились к входу в здание.

Мастер бодро вышагивал впереди. Подойдя к двери, он дернул за ручку. Дверь оказалась заперта. Тогда он нажал на кнопку дверного звонка и, подняв голову, улыбнулся в камеру видеонаблюдения.

Щелкнул замок. Мастер открыл дверь, пропустил вперед Юлию и вошел следом за ней.

Небольшая прихожая была перегорожена турникетом с проходом через рамку металлоискателя. За турникетом навтыжку стояли двое солдат с автоматами на плечах. Подобно каменным стражам заколдованных врат, они даже не взглянули на вошедших. Зато на них сразу обратил внимание невысокого роста, лысоватый мужчина в очках, годков эдак под пятьдесят.

– Чем могу вам помочь? – спросил он с приветливой улыбкой, но при этом решительно закрывая всем своим телом единственный проход в здание.

– Мы договаривались о встрече с Алексеем Игоревичем Левченко, – так же, улыбаясь, сообщил Мастер.

– Замечательно, – улыбка на лице мужчины в очках расцвела, подобно сакуре. – Но для того, чтобы вы могли пройти в здание, для вас должны быть заказаны гостевые пропуска.

– Я могу позвонить Алексею Игоревичу, – Мастер потянулся рукой к внутреннему карману пальто, хотя никакого телефона у него там не было.

– Не стоит! – вскинув руку, остановил его мужчина в очках. – Гостевые пропуска заказывает не он.

– Простите, – Мастер чуть понизил голос, – но мы не гости. Мы – инспекция. Из Второго круга.

– О! – полные губы мужчины в очках превратились в эту самую букву «О». – Но, во-первых, меня должны были предупредить о вашем визите. Во-вторых, на вас все равно должны быть заказаны пропуска. Поэтому, дабы не доводить ситуацию до неприятного для всех нас момента...

Мастер поднял вверх указательный палец, предлагая мужчине умолкнуть. И, как только он сделал это, Мастер указал пальцем на старомодный зеленый телефонный аппарат без набора номера, стоящий на небольшой тумбочке у стены.

Мужчина в очках посмотрел на телефонный аппарат. И в ту же секунду телефон зазвонил.

Мужчина удивленно приоткрыл рот.

– Снимите же трубку, – предложил ему Мастер. – Уверен, это насчет нашего визита.

Мужчина быстро подошел к тумбочке и снял с телефона трубку.

– Дежурный по КПП Вахмистров слушает! – бодро отрапортовал он.

Выслушав ответ, он быстро глянул на гостей.

– Да, уже прибыли... Да, четверо... Так точно... Я... Да, понимаю... – Голос дежурного по КПП сделался заискивающим. – Дело в том, что меня не предупредили... Да... Да... Конечно... Так точно! Немедленно будет исполнено!

Он бросил трубку на рычаг с такой поспешностью, словно она жгла ему пальцы, и строевому развернулся в сторону гостей.

– Прошу меня извинить!

Он хотел было вскинуть руку, чтобы отдать честь, но, вовремя сообразив, что, кроме двух солдат-охранников, не имеющих никакого отношения к происходящему, все здесь в штатском, учтиво поклонился гостям.

– Произошло маленькое недоразумение. Надеюсь, вы на меня не в обиде?

– Ни в коем разе, – махнул рукой Мастер. – Вы всего лишь выполняли свой долг!

– Именно так, – еще раз поклонился дежурный по КПП. – Прошу вас!

Он поднял одну из планок турникета, чтобы гостям не нужно было проходить через рамку металлоискателя, демонстрируя тем самым свое полное доверие.

– Прошу вас, садитесь! – указал он на два больших кожаных дивана, между которыми стояла деревянная кадка с пальмой. – Не хотите ли чаю, кофе, бутербродов?... Или, может быть, вы желаете отобедать? У нас в столовой сегодня просто замечательная семга...

– Нет, спасибо, – за всех ответил Мастер. – Мы не голодны. Мы хотим как можно скорее встретиться с Алексеем Игоревичем.

– Я сейчас позвоню, и профессор Левченко спустится к нам, – дежурный по КПП достал из внутреннего кармана пиджака мобильник. – Он покажет вам все, что вы захотите.

Вахмистров набрал трехзначный номер и сделал два шага в сторону.

– С кем он говорил по городскому телефону? – шепотом спросила Юлия, севшая на диван рядом с мастером. – Или это тоже была иллюзия?

– Вовсе нет, – Мастер откинул полы пальто в стороны. – Это был реальный звонок из администрации спин-протектора.

– Выходит, ты все же заранее договорился о визите?

– Нет, – улыбнулся Мастер.

– Почему же тогда они решили позвонить?

– Не знаю, – Мастер пожал плечами.

Юлия недоверчиво прищурилась, внимательно посмотрела на Мастера и усмехнулась.

– Ты врешь.

Мастер не успел ничего ответить. На лестнице послышались шаги, и через минуту перед гостями предстал профессор Левченко собственной персоной.

Алексей Игоревич Левченко был ростом под метр восемьдесят, широк в кости и грузен. Живот у него заметно выдавался вперед. Морщинистое лицо с большими ушами, расплюснутым носом, обвисшими щеками и грустными карими глазами напоминало морду бульдога. Немного вьющиеся, седые волосы, зачесанные назад, открывали две глубокие залысины на висках. Вид у Алексея Игоревича был усталый. Вообще, он выглядел несколько старше своих шестидесяти пяти лет. На нем были серые, широкие брюки с крепко потертым кожаным ремнем, темно-синяя водолазка и коричневая замшевая куртка, поверх которой был накинут короткий лабораторный халат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.